

ПЛИКЪ И ПЛОКЪ.

СЦЕНЫ НА МОРЪ.

Соч. Евгенія Сю.

ПЕРЕВ. В. ВОЛЖСКІЙ.

Часть II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Х. ГИЦЕ.

1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи предспа-
влены были въ Ценсурный Комитетъ при эк-
земпляра.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 16 Августа 1832 года.

Ценсоръ Н. Бутырскій.

КЕРШОКЪ,

МОРСКОЙ РАЗБОЙЩИКЪ.

та, покрывающія Пампульскій берегъ. Остроконечные края сихъ утесовъ по исчезали подъ волнами, по обозначались чернымъ цвѣтомъ поверхъ пѣны ослабительной бѣлизны.

Выспроенная между двухъ скалъ и огражденная ими отъ цѣйсвѣй урагана, стояла убогая хижина, но доступъ къ оной былъ смраденъ и отвращителенъ, по причинѣ множества костей, лошадиныхъ и собачьихъ пруповъ, окровавленныхъ кожъ и другихъ оспашковъ, кои довольно ясно показывали, что владѣтель сей лачуги былъ каку или живодѣръ.

Дверь отворилась. Показалась женщина, закутанная въ черную маншилю, изъ-подъ которой только видно было ея желтое и морщиноватое лице, совершенно почти закрытое ключьями сѣдыхъ волосъ. Въ одной рукѣ она держала желѣзный ночникъ, дру-

гою же старалась заслонить горѣвшій въ ономъ огонь, волнуемый въспромъ. — « Пень-Уэ! Пень-Уэ! » закричала она съ гнѣвомъ и упрекомъ: — « куда ты дѣвался, прокляшый ребенокъ? Ради Св. Павла! развѣ ты не знаешь, что ужь наступило время бродить по берегу ночнымъ пѣвуньямъ? (*) »

Слышенъ былъ только свистъ бури, увеличивавшейся съ жестокостію.

— « Пень-Уэ! » закричала она опяшь. Пень-Уэ услышалъ наконецъ.

Дурачокъ сидѣлъ на корточкахъ подлѣ кучи костей, кои складывалъ, давая имъ самыя разнообразныя и чудныя формы. Онъ повернулъ голову, всматрѣвъ съ недовольнымъ видомъ, какъ дитя, покидающее по неволѣ свои игрушки, и пошелъ къ жижи, не забывъ однако взять съ собою прекрасную бѣлой и гладкой кости лошадиную

(*) Злые духи. — Народное преданіе.

голову, которая ему чрезвычайно нравилась, особенно съ шѣхъ поръ, какъ онъ насыпалъ въ нее кремней, кои звучали самымъ пріятнѣйшимъ образомъ, когда Пень-Уэ потрясалъ сей инструментъ новаго рода.

— «Войди, проклятый!» вскричала мать, толкнувъ его такъ сильно, что голова его ударилась объ стѣну; кровь потекла. Тогда дурачокъ началъ хохотать глупымъ и судорожнымъ смѣхомъ, уперъ рану своими длинными, черными волосами, и забился подъ колпакъ обширнаго камня.

— «Ивонна, Ивонна, думай о душѣ твоей, вмѣсто того, чтобы проливать кровь своего сына!» сказалъ *Калу*, который споялъ на колѣнахъ, и казалось, погруженъ былъ въ глубокое размышленіе. — «Развѣ ты не слышишь? . . .

— «Я слышу шумъ волнъ, біющих-ся объ эту скалу, и свистъ бури.

— «Скажи лучше, голоса усопшихъ. Клянусь Св. Іоанномъ-Персннимъ! вѣдь нынче день мерпвыхъ, жена, и ушопшіе, кошорыхъ мы...» — Здѣсь умо-чаніе — «въ своихъ бѣлыхъ саванахъ, съ своими красными слезами, легко могутъ подвезти къ дверямъ нашимъ *каркель-анку*,» (*) ошвѣчалъ *Каку* тихимъ и трепещущимъ голосомъ.

— «Вошъ-те на! чего намъ боятъ-ся? Пенъ-Уэ безумный; а неужто ты не знаешь, что нечисные духи не приближающа кь крову, подь коимъ обитаешъ дуракъ? *Янъ* съ своимъ огнемъ, обращающійся быстрѣ самопрякя старой бѣбы, *Янъ* съ своимъ огнемъ умчшся ошъ голоса Пенъ-Уэ, какъ чайка ошъ охотника. Такъ чего жъ ты боишь-ся?

(*) *Татка смерти*; она возитъ скелетами, и шу мь ея колеса предвѣщаетъ смерть.

— « Однако, почему съ послѣдняго пощолленія, знаешь, этого люгера, который разбился при берегѣ, привлеченный нашими ложными сигналами . . . почему меня мучашь горячка, ужасные сны. Напрасно прежде въ часъ полуночи пить я воду Кригноэкскаго источника; напрасно натирался жиромъ водорѣза, убитаго въ пяпницу; ничто, ничто, немогло меня успокоить. Ночью мнѣ страшно! Ахъ! жена, жена, ты того хотѣла.

— « Вѣчно шрусить! Надобно же чѣмъ нибудь жить; твое ремесло внушаетъ всему Сен-Полю къ тебѣ омерзѣніе, и что бы съ нами спалось безъ моихъ предсказаній! Входъ въ церковь намъ запрещенъ; булочники почти не хотятъ продавать намъ хлѣба. Пенъ-Уэ какъ ни сходить въ городъ, всякой разъ возвращается опшуда весь избитый; бѣдный дурачокъ! Когда бь

только смѣли, ай, ей, они бы пере-
правили насъ, какъ волковъ въ горахъ
Арреса; и оцъ шюго, что собирал на
ушесахъ волшебныхъ правы, мы поль-
зуемся шѣнь, что добыденъ намъ
Тейсъ, (*) ты преклоняешь колѣна,
какъ Изугазуискій ризничій, и блѣ-
денъ какъ дѣвушка, которая идя съ ве-
черинки, встрѣчаешь приглаваго *Тейсъ*,
Друзьки, съ его пляжущимъ окомъ!

— « Жена.... »

— « Трусливѣ Коривалина, » сказала
наконецъ раздраженная Ивонна.

Но какъ ничѣмъ нельзя шакъ сильно
разлюбидѣшь Леонца, какъ уподобивъ его
жипелю Коривалина, по *Калу* взялъ
жену свою за горло.

— « Да » продолжала она хрилымъ,
удушляивымъ голосомъ, « малодушнѣе да-
же жиденка! »

Бѣшенство *Калу* вышло изъ границъ;

(*) *Тейсъ*, злобный духъ, производящій бури.

онъ схватилъ топоръ , но Ивонна вооружилась ножомъ.

Дурачокъ хохоталъ во все горло , попрысая лошадиную голову , наполненную кремнями , издававшими глухой и странный звукъ.

Къ счастью постучались у дверей хижины ; иначе приключилось бы несчастье.

— « Опоприпе , чортъ возьми ! Опоприпе же ! Нордъ-Вестъ чуть не вырываетъ рога у быковъ , » сказалъ чей-то грубый голосъ.

Какъ выронилъ изъ рукъ топоръ , Ивонна поправила свой чепецъ , бросивъ на мужа сверкающій еще оцъ гнѣва взглядъ.

— « Кто это вздумалъ въ такое время насъ тревожить ? » сказалъ сей послѣдній , приподнялся до узкаго оконца и посмопирѣлъ.

ГЛАВА II.

К Е Р Н О К Ъ.

Got callet deusan Armoriq.

То былъ суровый жителъ Арморикн.

Бретанск. Послов.

То былъ онъ, то былъ Кернокъ, который спучался въ дверь! Вошгъ удалый и храбрый молодець, посудише о немъ.

Онъ родился въ Плугазну; въ пяти-надцать лѣтъ, бѣжалъ онъ своего оипца, опредѣлился на перевозное судно, и тамъ началъ свое морское воспитаніе. На всемъ суднѣ не было юнги жи-

вѣе, матроса неустрашимѣе его; никто не имѣлъ взгляда пронизательнѣе для опкрывшаго берега задернутого туманомъ; никто не закрывлялъ марсель съ большимъ проворствомъ и ловкостью, какъ онъ.

И какое сердце! Ронялъ ли нечаянно офицеръ свой кошелекъ, молодой Кернокъ подбиралъ оный бережно, и его товарищи получали свою долю въ находкѣ. Воровалъ ли онъ ромъ у Капшана, и все таки дѣлился съ своими задушевными.

И какая душа! Сколько разъ, когда негры, конхъ перевозили изъ Африки на Анпильскіе острова, окоченѣлые отъ холода и сырости въ прюмъ, не могли добрести до палубы, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, въ продолженіе четверти часа, для сего имъ предоставленной, сколько разъ, говорю я, юный Кернокъ возбуждалъ те-

плоту и испарину на ихъ оледенѣлой кожѣ, ускоряя ихъ шествіе ударами линька! И Г. Дюранъ, шимерманъ-хирургъ - констапель на бригѣ, справедливо замѣнилъ, что ни одинъ изъ Конгосовъ, ввѣренныхъ пацору Кернока, не былъ подверженъ этой сонливости, этому безчувствію, кои обладали прочими неграми. Напрошивъ, его подчиненные, при видѣ грознаго линька, приходили всегда въ судорожное движеніе, въ нервическое раздраженіе, какъ говорилъ Г. Дюранъ, въ нервическое раздраженіе, весьма спасительное.

За это самое Кернокъ пріобрѣлъ вскорѣ уваженіе и довѣренность Капитана брига, способнаго, къ счастью, цѣнить рѣдкія качества. Сей добрый Капитанъ обратилъ вниманіе на молодого мапраса, далъ ему нѣсколько уроковъ въ теоріи, и при первомъ случаѣ сдѣлалъ его своимъ помощникомъ. Кер-

нокъ показалъ себя достойнымъ сего быстраго повышенія, своею храбростію и своимъ искусствомъ; онъ изобрѣлъ, между прочимъ, способъ укладывать негровъ въ кубрикъ, столь выгодно, что бригъ, вмѣщавшій доселѣ только двѣспи, могъ содержать въ себѣ пристра негровъ; правда немного спѣснивъ ихъ, — и прося ихъ ложиться на бокъ, а не разваливаться на спинѣ, подобно Намамъ. — Такъ говорилъ Кернокъ.

Съ того дня, торгошъ неграми предсказалъ своему любимцу высокую судьбу. Богу извѣстно, исполнилось ли сіе предсказаніе!

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, вечеромъ, какъ онъ плылъ къ берегамъ Африки, почтенный Капитанъ Кернока, вышивъ шафин не много болѣе прошивъ обыкновеннаго, находился въ добромъ и веселомъ расположеніи

духа. Сидя на окнѣ и куря свою длинную шрубку, онъ проводилъ время, наблюдая за направлениемъ густыхъ клубовъ дыма, кои выпускалъ съ важностью, или смотрѣлъ пристально на быстрыя спруи, образуемая ходомъ корабля, ускоряя мысленно мипуту, въ которую снова увидишь Францію.

Пошомъ съ умилениемъ онъ думалъ о прекрасныхъ поляхъ Нормандіи, гдѣ онъ родился; словно видѣлъ опять глазами свою хижину, позлащенную послѣдними лучами солнца, свѣтлый и прохладный ручей, спарую яблонь, и жену, и мать, и троихъ малолѣтнихъ дѣтей, кои ожидали его возврата, вздыхая по прелестнымъ шапокрытымъ пшичкамъ и по разноцвѣтнымъ тканямъ, которыя онъ привозилъ имъ изъ своихъ дальнихъ путешествій! бѣднякъ все это видѣлъ, какъ бы предъ собою! — Его шрубка,

трубка, которая отъ времени сдѣлалась черною, подобно крылу альціоны, выпала изъ полуотверзтаго его рта. Онъ этого не примѣнилъ; глаза его наполнились слезами; сердце его сильно билось. Мало по малу усиліе его воображенія, устремленнаго на одинъ предметъ, также, можетъ быть, вліяніе тафій, придали сему фантастическому видѣнію формы существованности; добрый Капитанъ, въ своемъ упоеніи, предскавивъ себѣ, что открытое море есть этотъ смѣющійся дугъ, имъ оплакиваемый, возымѣлъ безумное желаніе повеселиться на ономъ. Для сего онъ придвинулся къ краю своего окна, и упалъ въ воду.

Другіе говорятъ, что невидимая рука его толкнула, и что серебряныя шпунты у корабля были съ минутой багровыми.

Какъ бы то ни было, онъ утонулъ.

Бригъ тогда находился неподалеку отъ острововъ Зеленаго Мыса ; зыбь была сильна , въперъ свѣжѣль , и потому рулевой мапрось не могъ ничего слышать . Но Кернокъ , пришедшій опдать опчетъ о пути Капитану , долженъ былъ первый узнать о несчастіи , которое , можетъ статься , не было ему чуждо .

Кернокъ имѣлъ одно изъ тѣхъ закаленныхъ сердець , недоступныхъ этому суешному чувству , которое слабые люди называютъ благодарностію или еоспрандіемъ . Онъ показался на палубѣ , и въ немъ не могли замѣшнть ни малѣйшаго смущенія .

— « Капитанъ упонуль , » сказалъ онъ спокойно подшкиперу ; « жаль его : это былъ добрый человекъ . » Тутъ Кернокъ присовокупилъ эпипешъ , котораго мы повнорятъ не станемъ , но который заключилъ величествен-

нымъ образомъ надгробное слово покойному.

О! Кернокъ не любить плодишь слова!

Затѣмъ обратясь къ кормчему: — «Командованіе кораблемъ принадлежишь мнѣ, какъ секунду брига; и такъ, шы перемѣнишь путь. Въспомо того, чшообъ править на Зюйдъ - Оспъ, держи на Нордъ-Веспъ, ибо мы поворошимъ на другой галсъ, и возвратимся въ Наншъ или Сен-Мало.»

Дѣло въ томъ, что Кернокъ напрасно старался ошвратить покойнаго Капитана ошъ шорга неграми, не изъ Филиппинъ, нѣтъ! но по причинѣ, болѣе важной въ глазахъ разсудительнаго человека.

— «Капитанъ,» говорилъ онъ ему безпресшанно: «ваши торговыя сдѣлки приносящъ вамъ, при всей возможности, шрисша на сшо; на вашемъ

мѣстѣ , я бы выручилъ столько же , в даже болѣе , не спрашивая ни копѣйки. Вашъ бригъ ходитъ , какъ дорада ; вооружите его въ набѣгъ , я отвѣчаю за экипажъ ; предославьте мнѣ это дѣло , и послѣ каждаго приза вы будете слышать пѣснь Корсера . »

Но краснорѣчіе Кернока никогда не могло поколебать воли Капитана , ибо онъ очень хорошо знаетъ , что тѣ , кои занимались сямъ благороднымъ ремесломъ , находили , рано или поздно , конецъ , качаясь на носѣ рен ; за то неутомимый Капитанъ упалъ *нечаянно* въ море .

Едва Кернокъ увидѣлъ себя хозяиномъ корабля , какъ возвратился въ Нантъ , дабы набрать приличный экипажъ , вооружить судно , и привести въ исполненіе свое первѣйшее желаніе .

Смотрите , нѣтъ ли шутъ предопредѣленія : лишь только онъ возвра-

шился во Францію, какъ шолчасъ узнаеть, чшо Англїл объявила ей войну; получаеть армадорскїй напеншъ, выходитъ, атакуеть купеческїй шрехъ-мачповикъ, и приспаетъ съ своею добычею въ Сен-Поля Леонскїй.

Что сказать мнѣ болѣе? Счасшїе всегда благопрїятствовало Керноку; ибо Небо правосудно: онъ братъ многїе призы у Англичанъ. Добыщое имъ серебро быспро преренно въ шракширы Сен-Поля; и теперь во время пригошовленїя къ оппльшїю вновъ въ море для бшпья монепшы, какъ онъ говоршпъ на своемъ чшпсосердечномъ нарѣчїи, мы его видимъ прибывшшмъ въ нѣдра почшеннаго семейства живодѣра.

— «Ну, чоршъ возьми! ошворшс же,» повшоряль онъ пошрясал могущественно дверью. «Вы шамъ забшлись, какъ водорѣзы въ ущелье скалы.»

Дверь ошворили.

ГЛАВА III.

В О Р О Ж Б А.

La sorcière dit au pirate :
— Bon capitaine, en vérité,
Non, je ne serai pas ingrate,
Et vous aurez votre beauté.

VICTOR HUGO, *Cromwell*.

Онъ вошелъ, скинулъ съ себя вощаный плащъ, съ котораго спрунлась дождевая вода, развѣсилъ оный подлѣ очага, опряхнулъ свою широкую шляпу изъ лакированной кожи, и бросился на дурную скамью.

Керпоку было около тридцати лѣтъ, широкій и плоскый станъ его объ-

щаль силу апласна; смуглое лице, черные волосы и широкіе усы придавали ему видъ суровый и дикій. При всемъ томъ, онъ могъ бы назваться довольно красивымъ мужчиною, безъ чрезвычайной подвижности его густыхъ бровей, кои соединялись или расходились безпрестанно, слѣдуя впечатлѣніямъ души его.

Его одежда не отличалась нисколько отъ одежды простаго мапраса; только два золотые якоря были вышиты на воротникѣ его грубаго камзола, и широкій кривой кинжалъ висѣлъ при его поясѣ на красномъ шелковомъ суркѣ.

Обищатели хижины разсматривали незнакомца съ выраженіемъ страха и подозрѣнія, и терпѣливо ожидали, чпобъ сей чудный человекъ объявилъ имъ цѣль своего посѣщенія.

Но онъ, казалось, былъ занятъ по-

гда только однимъ дѣломъ, опогрѣваніемъ себя ; почему, безъ церемоніи бросааь на очагъ лежавшіе близъ него куски дерева, еіце окованные желѣзомъ. — « Собакн, » сказаь онъ сквозь зубы, « это оспатки корабля, привлеченнаго нми , н разбишаго у берега. Ахъ! если когда нибудь *Копчикъ* . . .

— « Что вамъ угодно? » сказала Ивонна , наскучивъ молчаніемъ незнакомца.

Сей послѣдній приподняаь голову , презрительно улыбнулся , не сказаь ни слова, прошагнулъ ноги къ огню, н усѣвшисъ какъ можно лучше, по еспь, опершисъ спиною объ сѣѣну, н положе ноги на шаганъ :

— « Ты Цень-Ганъ Каку, не правда-ли, дружокъ? » сказаь наконецъ Кернокъ , помѣшивая въ горнушкѣ своєю палкою, обншою желѣзомъ, съ такнмъ довольствомъ, какъ бы онъ находилсѣ у камня наилучшей гостиницы Сен-

Поля ; - « а ты ворожея береговъ Пампульскихъ ? » прибавилъ онъ , посмотрѣвъ на Ивонну съ вопрошающимъ видомъ. Попомъ , взглянувъ на дурака съ отвращеніемъ : — « это же чудовище , если вы приведете на шабашъ вѣдьмъ , то онъ навѣрное испрашитъ шамъ и самого Сапану ; впрочемъ , онъ похожъ на тебя , сшаруха , и если бы я высказалъ эту харю на передней часни моего брига , то испуганные макрели не стали бы болѣе играть и прыгать подъ его носомъ . »

Тутъ Ивонна сдѣлала гнѣвную ужимку. « Полно , прелестная хозяйка , успокойся ; не раскрывай своего клюва , какъ водорѣзъ , готовящійся броситься на спядо сельдей ; вотъ что усмирить тебя , » сказалъ Кернокъ , звеня нѣсколькими ефимками ; « ибо я имѣю надобность въ тебѣ и въ ... этомъ гослудинтѣ . »

Сія рѣчь, и особливо слово: *господинъ*, были произнесены съ видомъ столько явно насмѣшливымъ, что только видъ длиннаго кожанаго кошелька, порядочно набитаго, и почтеніе, какое внушала широкія плеча и окованная желѣзомъ палка Кернока, могли воспрепятствовать доспойной чептѣ измѣнить свой гнѣвъ, слишкомъ долго удерживаемый.

— « Не то, чтобы я вѣрилъ своему кодовспу, » прибавилъ Корсеръ. « Прежде, во время моего дѣшества, нное дѣло. Какъ и всякой, я дрожалъ на сидѣлкахъ, слушая о томъ дивные рассказы; а теперь, прекрасная хозяйка, мнѣ въ нихъ сколько же нужды, какъ и въ сломанномъ веслѣ. Но она хотѣла, чтобы я загадалъ о моей судьбѣ, до оплывшія въ море. И такъ, посмотримъ, начнемъ; гоповы ли вы, судирья? »

Слово : сударыня , опять заспавило поморщишься Ивонну.

— « Я не останусь здѣсь ! » вскричалъ Каку, блѣдный и трепещущій. « Нынѣче день мертвыхъ. Жена , жена , ты насъ погубишь ; небесный огонь разразишь это жилище ! »

Огнь вышелъ и съ гнѣвомъ захлопнулъ дверь.

— « Кой чортъ его дергаетъ ? бѣги за нимъ , старая сычовка ; ему лучше каждаго кормчаго острова Батца извѣстно побережье ; мнѣ будетъ въ немъ надобность. Пошла же , проклятая колдунья ! »

Сказавъ сіе , Кернокъ толкнулъ ее къ дверямъ.

Но Ивонна , вырвавшись изъ рукъ пирата , закричала : — « Обижаетъ , что ли , ты пришелъ сюда шѣхъ , которые тебя приняли къ себѣ ? Перестань ,

переспань, или ты ничего опть меня не узнаешь.»

Кернокъ съ видомъ безшечности и недовѣрчивости пожалъ плечами.

— « Скажи же, чего ты желаешь? »

— « Узнать прошедшее и будущее, больше ничего, моя любезная; что такъ же возможно, какъ и пройши десять узловъ противъ вѣтра, » отвѣчалъ Кернокъ, играя снуркомъ своего кинжала.

— « Дай швою руку. »

— « Вотъ она; и, могу похвалиться, что никакая другая не сумѣетъ искуснѣ связать кабалочный спропъ, или нажашь спускъ каменоброса. Тупь-то читаешь ты твою шарабарщину, старая Фея? Я этому столько же вѣрю, сколько предсказаніямъ нашего боричаго, который, сожигая соль съ порохомъ, воображаетъ угадать погоду по двѣшу пламени. Все это вздоръ!

Я вѣрю только клинку моего кинжала, или заряду моего пистолета, и когда говорю моему врагу: — Ты умрешь! железо или свинецъ оправдываютъ мое предсказаніе лучше, нежели всѣ . . .

— « Молчать! » сказала Ивонна.

Между тѣмъ какъ Кернокъ обнаруживалъ споль свободно свой сцетшицизмъ, она изучала линіи, кои пересѣкались на его рукѣ.

Тогда она устремила на него свои сѣрые и пронцапельные глаза, потомъ приблизила свой изсохшій палецъ ко лбу Кернока; онъ содрогнулся, чувствуя ногошь колдуньи, водимый ею по морщинамъ, рисовавшимся между его бровей.

— « Ого! » сказала она, съ отвращительною улыбкою, « ого! ты, такой смачъ, ты дрожишь уже? »

— « Я дрожу, . . . я дрожу. . . . Если ты полагаешь, что можно безъ омер-

зѣнія ощущашь твои когти на моей кожѣ, то очень ошибешься. Но будь, вмѣсто твоей черной и вялой кожи, бѣленькая и пухленькая ручка, ты увидѣла бы, что Кернокъ . . . что . . . пошому . . . что . . . »

И онъ депсталъ, невольно опустивъ глаза передъ неподвижнымъ и внимательнымъ взглядомъ ворожеи.

— « Молчань ! » сказала она опять ; и голова ея упала на грудь : ее можно было почестъ погруженною въ глубокую задумчивость. Иногда только, она потрясается была какимъ-то судорожнымъ волненіемъ и слышалось спучаніе ея зубовъ. Мелькающій огонь гаснущаго очага освѣщала одинъ своимъ красноватымъ сіяніемъ внутренность сей лачуги ; и озаренная онымъ, безобразная голова дурачка, который дремалъ, забившись въ уголъ, казалась пояснивъ спрашною. У Цвонны видны

только были маншиля и ся длинные сѣдые волосы; на дворѣ ревѣла буря. Не знаю что - то ужасное и адское имѣла въ себѣ сія карпина.

Кернокъ, самъ Кернокъ оцупилъ легкій трепетъ, пробѣжавшій по немъ, какъ элекприческая искра; и чувствуя мало по малу пробуждающимся въ себѣ минувшее дѣтское суевѣріе, онъ попереялъ эпошъ насмѣшливый, недовѣрчивый видъ, выражавшійся въ черсахъ его лица при входѣ.

Вскорѣ холодный пошъ увлажилъ чело его. Машинально онъ схватился за свой кивжалъ и вынулъ оный изъ ноженъ.

Подобно шѣмъ людямъ, кон, желая освободиться опъ пѣгоспнаго сна, дѣлающъ въ просонкахъ какое нибудь насильственное движеніе.

— «Проваль возьми эпу Мсли!» вскричалъ Кернокъ, «съ ея безумными со-

вѣшами, и меня также, за то, что
имѣлъ глупость имъ слѣдовать! поз-
волятъ себя спрацать пуспяками,
которые могутъ только пугать бабъ,
да малыхъ ребятъ? Нѣтъ, чортъ по-
бери! никогда не будетъ, чтобъ Кер-
нокъ. . . . Ну же! вѣдьма, говори провор-
нѣй; мнѣ надобно ѣхать. Слышишь
ли?»

И онъ сильно спряхнулъ ее.

Ивонна не опивѣчала; шло ея по-
слѣдовало движенію, данному Керно-
комъ. Даже не слышно было сопроти-
влянія, какое обыкновенно оказываешь
одушевленное существо. Она казалась
мертвою.

Сердце пирата крѣпко билось. «Спа-
нешь ли ты говоришь?» пробормо-
таль онъ, и сильно приподнялъ голо-
ву Ивонны, опущенную на ея грудь.

Она испалась приподнятою.

Но глаза ся были неподвижны и тусклы.

У Кернока волосы на головѣ стали дыбомъ ; съ проспертыми впередъ руками , съ выпявutoю шеею , какъ бы окованный симъ мрачнымъ и мершвымъ взглядомъ , онъ прислушивался , едва переводя духъ , объапный власпно свыше силъ своихъ.

— « Кернокъ , » сказала наконецъ колдунья , слабымъ и прерывистымъ голосомъ , « брось , брось эпошь кинжалъ. » И она указала на кинжалъ , дрожащій въ рукѣ Кернока.

— « Брось его , говорю тебѣ , на немъ есть кровь ; кровь ея и его ! »

И спаруха улыбнулась страшнымъ образомъ ; зашѣмъ , положивъ палецъ на его шею : — « Тутъ . . . ты се ранишь , . . . однако она жива еще . Но это еще не все . . . А Капитанъ перевознаго судна ? . . . »

Кинжалъ упалъ къ ногамъ Кернока ; онъ провелъ рукою по пылающему челу , и списнулъ столь крѣпко виски свои , что на нихъ остался оппечашокъ ногтеи его. Онъ едва держался на ногахъ , и оперся объ стѣну хижины.

Ивонна продолжала :

— « Чшо ты бросишь твоего благодышеля въ море , поразивъ его напередъ кинжаломъ , это хорошо ! швоя душа пойдетъ къ Тейсу ; но что ты ранишь Мели и не убидь ее , это худо ; ибо для тебя , она покинула этошь прекрасный край , гдѣ произрастають тончайшія ядовитыя растенія , гдѣ змѣи играютъ и свиваются при лунномъ свѣтѣ , смѣшивая ихъ шипѣнія ; гдѣ пушешественикъ слышишь , блѣднѣя , хриплый крикъ гѣены , завывающей голосомъ женщины , которую рѣжутъ ; этошь чудный край , гдѣ кра-

сныя эхидны наносятъ язвы, кои убиваютъ, кои сообщаютъ жиламъ ядъ, разъядающій оныя.»

И Ивонна ломала руки, какъ бы чувствуя вновь свои мучительныя судороги.

— «Довольно, довольно!» сказала Кернокъ, чувствувавшій, что языкъ его начиналъ леденѣть.

— «Ты поднять желѣзо на твоего благодѣтеля и твою любовницу: ихъ кровь падетъ на шею, копецъ твоей приближается! — Пенъ-Уэ!» кликнула она, понизивъ голосъ.

При семъ глухомъ, могильномъ голосѣ, Пенъ-Уэ, спавшій по видимому крѣпкимъ сномъ, вспалъ, какъ бы находясь въ припадкѣ лунашизма и помѣшавшись на колѣна своей мащери, которая, взявъ его за руки, и, оперевъ свой лобъ объ его лобъ:

— «Пень-Уо, онъ спрашиваетъ, сколько долго Тейсъ судилъ ему жить! . . . Именемъ Тейса, отвѣчай мнѣ. »

Дурачокъ испустилъ дикій крикъ, казалось, подумалъ не много, опустивъ шагъ назадъ, и началъ ударять по землѣ лошадиною головою, которой онъ не покидалъ.

Сначала онъ ударилъ пять разъ, потомъ еще пять, наконецъ три раза.

— «Пять, десять, тринадцать, » сказала его мать, считавшая удары, «тринадцать дней еще жить, слышишь ли? и да можешь Тейсъ кинуть на нашъ берегъ свой посинѣлый и холодный мрукъ, обвинный длинными морскими правами, съ пусклыми и раскрытыми очами, съ пѣною у рта и языкомъ, закушеннымъ зубами! Тринадцать дней! . . . и швол душа у Тейса!

— « А она , она ! » сказалъ Кернокъ , тяжело дыша въ страшномъ изступленіи .

— « Она , » продолжала Ивонна , » но ты мнѣ только за себя заляпиль . Изволь ! я буду великодушна ! » Она подумала съ минушою , положила палецъ на свой лобъ .

— « Да , у нея также будутъ члены выпянуты , лице раздуто , уста опънены и зубы сжаты . О ! вы явите собою славныхъ жениха и невесту , и даруй Тейсъ , чпобы мнѣ довелось васъ узрѣть , въ Ноябрьскую ночь , брошенныхъ на черномъ утесѣ , который будешь вашимъ брачнымъ ложемъ , волны Океана покровомъ , крики тараконъ и врановъ въичальными пѣснями , и пламенное око Тейса свѣтильникомъ ! »

Кернокъ узналъ безъ чувствъ , и два спиранныя хохота раздались въ хижинѣ .

Кто-то поспучался въ дверь.

— « Кернокъ, мой Кернокъ! » сказалъ вѣжливый и звучный голосъ.

Син слова произвели надъ Кернокомъ волшебное дѣйствіе ; онъ открылъ глаза , и посмопирѣлъ вокругъ себя съ удивленіемъ и ужасомъ.

— « Гдѣ я? » сказалъ онъ , вставая ; не мечта ли это , мечта страшная ? но , вѣтъ . . . мой кинжалъ . . . эшошъ плащъ . . . Все ясно доказываетъ . . . ахъ ! проклятая шаруха ! я съумью . . . »

Шаруха и дурачокъ исчезли.

— « Кернокъ , мой Кернокъ , отпвори же , » повторилъ сладкозвучный голосъ.

— « Она , » вскричалъ пиратъ , « она здѣсь ! » и бросился къ дверямъ.

— « Пойдемъ , » сказалъ онъ , « пойдемъ ! » и вышелъ изъ хижины , съ обнаженной головою , блуждающимъ

взоромъ , онъ быстро повлекъ ее. Миновавъ утесы , ограждающіе берегъ , они вскорѣ вышли на Сен - Польскую дорогу.

ГЛАВА IV.

Б Р И Г Ъ К О П Ч И К Ъ.

Fameux bâtiment, allez !
D'puis Letambo jusqu'aux huniers.
Il n'en est pas dans l'arsenal
Qui puisse marcher son égal ;
Vent d'bout , il file au mieux
Dix noeuds.

CHANSON DE MATELOT.

Туманъ, покрывавшій небольшую гавань Пампульскую, разсвѣлся мало по малу, и солнце темно-краснымъ шаромъ явилось среди шусклаго и сѣраго неба.

Увѣнчанный своими огромными черными зданіями и каменивыми колоколь-

нями, вскорѣ показался Сен - Поль въ легкихъ, неопредѣленныхъ чертахъ сквозь парь, поднимавційся изъ водъ; потомъ обрисовался явственнѣе, когда блѣдные лучи Ноябрьскаго солнца разсѣяли тяжелый и влажный упренный воздухъ.

Направо, возвышались оспровъ Кало съ его бурунами, мельница и синяя колокольня Плугазнуйская, между тѣмъ, какъ вдали расплался Трегьсерскій берегъ, съ чистымъ золотистымъ пескомъ своимъ, оканчиваемый безчисленнымъ множествомъ утесовъ, шеряющихся за горизонтомъ.

Красивая бухта Пампульская обыкновенно содержала въ себѣ до шестидесяти барокъ, и нѣсколько судовъ бѣльшаго груза.

Посему, прекрасный бригъ *Котикъ* превосходилъ всею высокою своихъ марсъ - спенгъ сію снаю люгеровъ,

шлюповъ, рыбацкихъ лодокъ, лежащихъ на якоряхъ вокругъ него.

Подлинно! бригъ *Котикъ*, бригъ прекрасный!

Можно ли насмотрѣться на него, когда онъ спониръ прямо и въ полномъ грузу съ его стройными, красивыми формами, съ его высокими мачтами, склоненными нѣсколько назадъ, копорья придающъ ему видъ споль щеголеватый и морской? Какъ не удивляться сей чистой и легкой оснасткѣ, эшимъ широкимъ нижнимъ парусамъ, эшимъ марсеямъ и брамсеямъ, съ такимъ вкусомъ выкроеннымъ! и эшимъ лиссамъ, кои миловидно расширяющъ на богахъ его, подобно лебединымъ крыльямъ! и красивымъ спаксеямъ, кои, кажется, порхающъ на концѣ его бушприта! и ряду его двадцати бронзовыхъ коронадъ, обозначающихся чернымъ и бѣлымъ цвѣ-

пиами, подобно кляшкамъ шахматной доски!

И никогда благоуханный дымъ мирры, сожигаемой въ золотыхъ курильницахъ, никогда фіялка съ ея бархатными листочками, никогда роза и жасмины, дистиллированные въ драгоценныхъ хрустальныхъ сосудахъ, не сравнятся съ роскошнымъ запахомъ, исходящимъ въ парахъ изъ шлюза *Коптика*; какой благоуханный варъ! какая душистая смола!

Подлинно! испинно! бригъ *Коптикъ*, бригъ прекрасный!

И ежели вы удивляешесь, видя его сплотивъ на якоряхъ, что же бы вы сказали, если бь увидѣли его въ погонѣ за какимъ нибудь несчастнымъ купеческимъ шрехъ-мачшовымъ судномъ? вѣшь! никогда бѣгунъ, обвиненный подъ удилами, не рвался съ такимъ нешерпѣніемъ, какъ *Коптикъ*, когда кормчій

держалъ къ вѣтру, вмѣсто того, чтобъ идти прямо на преслѣдуемое судно. Никогда Альціона, разсѣкая воду краемъ своего крыла, не летѣла съ такою быстрою, какъ сей прекрасный бригъ, когда при свѣжемъ вѣтрѣ, съ распущенными марселями и брамселями, онъ скользилъ по Океану, столь накрененный, что лисель-шпирпы его нижнихъ реевъ подергивали поверхность волнъ.

— Подлинно! исплинно! точно! бригъ *Коптикъ*, бригъ прекрасный!

И онъ-то представляется тамъ вашему взору, совершенно чернымъ, сплющимъ ферпоингъ.

На немъ оставалось мало людей: шкиперъ, шесть машросовъ, одинъ юнга, и шолько.

Машросы сбились въ кучку на ваншъ-трапахъ или сидѣли на лафетахъ корвадъ.

Шкиперъ, человекъ лѣтъ около пятидесяти, завернувшись въ длинный восточный плащъ, ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ съ безпокойнымъ видомъ, и наростъ на его лѣвой щекѣ своимъ непомѣрнымъ движеніемъ показывалъ, что онъ опчаянно кусалъ свою табачную жвачку.

А юнга, сипоя неподвижно подлѣ шкипера, съ шапкою въ рукѣ, казался, ожидалъ приказанія, и смотрѣлъ на сіе горькое предзнаменованіе съ ужасомъ, безпрестанно возрастающимъ; ибо жвачка шкипера служила для экипажа родомъ шербомистра, показывавшаго различныя степени расположенія его духа; и, въ поспѣхъ дѣнь, основываясь на точныхъ наблюденіяхъ юнги, неминуемо должна была подняться буря.

— «Тысяча милліоновъ громовъ!» говорилъ шкиперъ, надвинувъ свой кашю-

шонъ на глаза , « какой адской въперъ унесъ его ? Гдѣ это онъ ? Десять часовъ , а еше не воропился ! и жена его дурница , пошацилась за нимъ среди ночи , чортъ знаешь куда . . . Такой славный въперъ ! Потеряшь такой славный въшеръ ! » повторялъ онъ въ опчаяннн , смопря на легкую флюгарку , прикрѣпленную къ ваптамъ , которая направлениемъ , даннымъ ей вътрочъ , означала крѣпкій въперъ Нордъ-Веспъ . « Надобно быть сполько же глупымъ , какъ человекъ , который вкладываетъ палецъ между казаномъ и клюзъ-галломъ . »

Юнга , наскуча длиною сего монолога , уже два раза пышался прерватьъ шкипера , но гнѣвный взглядъ и чрезвычайная подвижность жвачки начальника его удерживали . Наконецъ , одѣлавъ надъ ссбою усилие , положи шапку подъ мышку , вышянувъ шею и

выставивъ лѣвую ногу впередъ, онъ отважился дернуть шкипера за полу его плаща.

— « Господинъ Зелл , » сказалъ онъ , « завтракъ васъ ожидаетъ »

— « А ! это ты , Грень-де-Сель ; зачѣмъ ты здѣсь , негодяй , мерзавецъ , скошъ , пріумная крыса ? не хочешь ли , чшобъ я спороль съ тебя кожу , чшобъ я сдѣлалъ швою спину красною , какъ сырое битое мясо ? Ну отвѣчай же , юнга-неудача ! »

Сему измѣннiю ругательствъ и угрозъ, юнга, пріобыкшій къ вспылчивости своего начальника, прошиву-поставилъ споническое спокойствіе.

И, скажу вамъ мимоходомъ, что если бъ я вѣрилъ переселенію душъ, то я охотнѣе согласился бы превратиться на всю мою жизнь въ рабочую лошадь, въ капоржнаго, въ Моиморансійскаго осла, одушевляющаго наконецъ

все, что ни есть презрительнѣйшаго, нежели прожить секунду въ шкурѣ юнга.

Мы сказали, юнга не произнесъ ни слова, и когда Зели оспановился, дабы перевести дыханіе, Грень-де-Сель рѣшился повторить почтительное обыкновеннаго : « Завтракъ васъ

— « Ага ! завтракъ ! » вскричалъ шкиперъ, радуясь случаю изъять свое бѣшенство на когонибудь, « ага ! завтракъ ! Вопь тебѣ, собака. »

Сія слова сопровождаемы были пощечиной и ударомъ ноги столь сильными, что юнга, стоявшій на верху орлопнаго прапа, исчезъ какъ бы очарованіемъ, и скатясь быстро по ступенямъ лѣстницы, очутился на днѣ трюма.

Находясь тамъ, юнга вспалъ и сказалъ, поширая поясницу : — « Я это навѣрное зналъ ; я видѣлъ по его жвачкѣ,

что онъ не въ духѣ;» и помолчавъ не много, Грень-де-Сель прибавилъ съ видомъ крайне довольнымъ : — « Все же лучше такъ, нежели упасть на голову. »

Запѣвъ, утѣшенный такимъ философскимъ размышленіемъ, онъ сталъ усердно надзирать за приготовленнымъ завтракомъ для шкипера Зели.

ГЛАВА V.

В О З В Р А Щ Е Н И Е.

Hola! d'où venez-vous. beau sire. la tête nue... la ceinture pendante. quelle pâleur!... tudien... l'ami...

WORDS - Vok.

Хопя Зели излялъ часпъ своего гнѣва на Грень-де-Селя, но все еще продолжалъ измѣрять шагами налубу, поднимая время отъ времени руки и глаза къ небу, и бормоча нѣкоторыя слова, коихъ невозможно было принять за пабожное взываніе.

Вдругъ, устремивъ внимательный взоръ на плоскую гавань, онъ остановился, схватить подозрную трубу,

висѣвшую у нактоузовъ, и приложивъ оную къ глазу :

— « Наконецъ, наконецъ, слава Богу! » вскричалъ Зели « вошъ и онъ ! Да, это точно онъ. — Какіе взмахи всегъ ! какъ они гребутъ ! — Впередъ, сильнѣй, браво ! молодцы; спѣлите, спѣшите ! намъ еще можно будетъ воспользоваться вѣтромъ и приливомъ ! »

И шкиперъ Зели, позабывъ, что его трудно слышатъ за два пушечные выстрѣла, ободрялъ голосомъ и тѣлодвиженіями мапросовъ, копорые везли къ кораблю Кернока и его спутника.

Наконецъ, шлюбка, на которой они плыли, достигла брига и пристала къ правой спорогъ. Зели подбѣжалъ къ трапу, сдѣлавъ сигналъ въ свистокъ, означавшій присутствіе Капитана, и со шляпою въ рукъ, приготовился къ принятію его.

Кернокъ съ ловкостію взомель на боршъ брига, и сыркнулъ на палубу.

Шкиперъ былъ пораженъ блѣдностію и измѣненіемъ въ чертахъ лица его. Обнаженная голова, беспорядокъ въ одеждѣ, ножны, безъ книжала висѣвшія при его поясѣ, все возвѣщало что-то необыкновенное. По сему Зели не дерзнулъ упрекнуть своего Капитана въ долгой оплучкѣ, но съ видомъ почтительнаго участія подошелъ къ нему.

Кернокъ бѣглымъ взглядомъ окинулъ бригъ и осмопрѣлъ мигомъ, все ли въ порядкѣ — « Шкиперъ, » сказалъ онъ Зели повелительнымъ и грознымъ тономъ. « когда будешь полна вода? » — « Въ два часа съ четвертью, Капитанъ. » — « Ежели вѣтеръ не утихнетъ мы оплывемъ чрезъ два съ половиною. Прикажи поднять флагъ и сдѣлай пушечный выстрѣлъ къ оправленію; верштѣшь шиваль,

святсья съ фершоннга, и когда якорь
будеть апанеръ, дасть мнѣ знашь. Гдѣ
Лейтенантъ? оспальной экипажъ?

— « На берегу, Капитанъ. — « По-
слашь шлюбку за ними. Тошь, кто
не явился на бригъ чрезъ два часа,
получитъ двадцать ударовъ линьками
и просидитъ недѣлю въ кандалахъ.
Ступай! »

Никогда Зели не видѣлъ Кернока
споль суровымъ и спругимъ. И по-
тому, прошивъ своего обыкновенія,
не дѣлалъ пыслчи возраженій на каждое
приказаніе своего Капитана и удоволь-
ствовался на сей разъ уходомъ для
поспѣшнаго исполненія оныхъ.

Кернокъ, посмопрѣвъ внимашельно
на направленіе вѣтра и на компасы,
дасть знакъ своему спутнику и сошелъ
въ каюшу.

Эшо пошь самый спутникъ, копо-
рый ходилъ за нимъ въ вершеть кол-

дуньи. Пріятный и звучный голосъ, говорившій : « Кернокъ, мой Кернокъ, » былъ его; и могъ ли быть не сладоспнымъ сей голосъ ! Онъ былъ такъ милъ съ его нѣжными, правильными чертами лица, большими очами, ослѣненными длинными рѣсницами, съ его каштановыми, волнистыми волосами, выпадавшими изъ подъ широкихъ краевъ лакированной шляпы, и съ этимъ стройнымъ гибкимъ станомъ, который обрисовывался грубымъ изъ сѣняго сукна камзоломъ, съ этими живыми и ловкими приемами ! Какъ свободно и легко онъ шелъ, выпрямивъ шею, приподнявъ голову ! Ахъ ! *que Salero !* только лице его казалось позлащеннымъ опъ солнечныхъ лучей подъ труппиками.

Ибо изъ сего знойнаго климата вывезъ Кернокъ сего миловиднаго слугника, который былъ не кто иной,

какъ Мели, прелестная дѣвушка изъ Креолокъ

Бѣдная Мели! дабы слѣдовать за своимъ любезнымъ, она оставила Маршнику съ ея смоковницами, и смолишыл лѣса, и свою свѣшелку съ зелеными занавѣсями.

За него, она отдала бы свою пеструю койку, свои пестрые Мадрасскіе платки, красные съ голубымъ, свои запястья липаго серебра, надѣшья на ноги и на руки; она отдала бы все, все, даже самую ладонку, заключавшую въ себѣ шри змѣиныхъ зуба и сердце вяхиря, сей талисманъ, долженспивавшій покровительствовашь дни ея, доколѣ она будешь носить оный на шеѣ.

Видите ли, какъ Мели любила своего Кернока.

Онъ любилъ ее также, о! онъ любилъ ее спрастно, ибо окрестилъ

и менемъ Мели длинную 18^{ти} фунтовую пушку, помещенную на бакъ его брига; и ни одного ядра не посылалъ къ неприятелю, чпобъ не вспомнить о своей возлюбленной. Вѣроятно онъ ее любилъ, ибо позволялъ ей прикасаться къ своему превосходному Толедскому княжалу и къ своимъ добрымъ Англійскимъ писполетамъ. Чшо мнѣ сказать болѣе? Ей одной онъ поручалъ смотрѣніе за общественнымъ его запасомъ хлѣба и водки!

Но болѣе всего доказывалъ любовь Кернока широкій и глубокій рубецъ, который имѣла Мели на шеѣ. Это произошло отъ удара ножемъ, нанесеннаго Кернокомъ въ пылу ревности. А какъ силу любви надлежитъ измѣрять всегда по степени ревности, но видно, что Мели должна была проводить дни, униженные золотомъ и шелкомъ, подлѣ своего милаго обожающаго.

Она сошла съ нимъ.

Войдя въ каюту, Кернокъ бросился въ кресла, и закрылъ лице свое руками, какъ бы для опогнанія какой-либо убійственной мечшы.

Онъ сильно содрогнулся, взглянувъ на окно, чрезъ которое покойный Капишанъ упалъ въ море, какъ всякому извѣстно.

Мели печально на него смотрѣла, попомъ робко къ нему приблизилась, и спавъ на колѣна, взяла его за руку, которую онъ ей опдалъ на волю. — « Чшо съ вами, Кернокъ? у васъ горитъ рука. » Сей голосъ заставилъ его прешептатъ : онъ приподнялъ голову, горько улыбулся, и, охвативъ рукою шею юной мулашки, прижалъ ее къ себѣ; его уста касались щеки ея, какъ вдругъ губы его встрѣтили роковой рубецъ.

— « Адъ! прокляшя на мнѣ! » вскричалъ онъ съ ожесшоченіемъ. « Про-

клятая шаруха, адская кодунья, откуда она узнала? . . . »

Онъ усириемился къ окну, подышать воздухомъ; но какъ бы опшоргнувший невидимою силой, опощель опъ онаго съ ужасомъ, и оперся на край своей постели.

Глаза его были красны и горѣли огнемъ; его взоръ, долго неподвижный смѣжился мало по малу, и изнемогшія вѣжи его закрылись. Сначала онъ побѣждагь сонъ, наконецъ предался оному. . . .

Тогда Мели, со слезами на очахъ, пихо положила голову Кернока на грудь свою, которая пѣжко поднималась и опускалась. Онъ, уступая сему усладительному колебанію, заснулъ совершенно; между тѣмъ, она, удерживая дыханіе и устранила черные волосы, скрывавшіе широкое чело ея любовника, порою налагала на оное

легкій поцѣлуй, то проводила стройный свой пальчикъ между его густыхъ бровей, кои судорожно сходились даже во время сна.....

— «Капитанъ, якорь апанеръ,» вошедь, сказалъ Зели.

Напрасно Мели подавала ему знакъ молчанья, указывая на спящаго Кернока, Зели, помня только опдашное ему приказаніе, повторилъ громче: «Якорь апанеръ!»

— «Гм!... Что шамъ?... что эшо?...» сказалъ Кернокъ, освобождаясь изъ рукъ юной дѣвы.

— «Даглицштъ апанеръ,» повторилъ Зели въ третій разъ, возвысивъ еще болѣе голосъ.

— «А кто опдалъ эшо приказаніе, дурачина?»

— «Вы, Капитанъ.

— «Я!

— « Вы, Капитанъ, возвратясь на бригъ, два часа тому назадъ : и сіе также справедливо, какъ эта рыбацья лодка поднимаетъ свой прикешъ-парусъ, » сказала Зели съ выраженіемъ твердаго убѣжденія, указывая въ окно на лодку, на коей производился двислительный сей маневръ.

Кернокъ взглянулъ на Мели, которая въ подтвержденіе словъ Зели наклонила, улыбаясь, свою прелестную головку.

Тогда онъ быстро провелъ рукою по челу своему, и сказалъ : — « Да, да, хорошо, снимайтесь, гоповъше все къ опытію; — я сей часъ выйду. Вѣтеръ не уменьшился ? »

— « Нѣтъ, Капитанъ; напрошавъ, кричатъ. »

— « Пошелъ, и торопись ! »

Голосъ Кернока не былъ болѣе свирѣпъ и грозенъ, но только нѣсколько суровъ; и Зели, видя что шпіль лю-

слѣдовалъ за бурливостію его Капитана, не могъ удержаться чшобъ не вымолвить одного *но*

— « Оцянъ ты начинаешь пивои *но* и *если*? Берегись или я обломаю мой рупаръ объ твою голову! » вскричалъ Кернокъ громовымъ голосомъ, подходя къ Зелю.

Сей послѣдній посетшшо ускользнулъ, заключивъ, что его Капитанъ не былъ еще въ томъ крошккомъ расположеніи духа, чшобъ терпѣливо выслушивать безконечныя его прошиворъчія.

— « Успокойшесь, Кернокъ, » сказала съ робостію Мели. « Какъ вы теперь себя чувствуете? »

— « Хорошо, очень хорошо. Слава Богу! эшихъ двухъ часовъ сна доста-точно было, чшобъ меня успокоить и изгнать глупыя мысли, кошорыя эша проклятая колдунья вбила мнѣ въ голову. Однако пора, въшеръ свѣ-

жвѣтъ, мы сей часъ выйдемъ изъ гавани. Въ самомъ дѣлѣ, что намъ шумѣ дѣлать, когда спишь въ Ла-Маншѣ шрехъ-мачшовыя суда, гальоны въ Гасконскомъ заливѣ, и богатыя Норшугальскіе корабли въ Гибралтарѣ?

— « Какъ ! вы опплаваете сегодня, въ пяницу ?

— « Послушай, что я тебѣ скажу, душа моя : мнѣ должно было тебя строго наказать за то, что ты умолила меня идишь слушать бредни сумасшедшей. Я проспичь; такъ не терзай же болѣе твоимъ болпаньемъ моихъ ушей, иначе

— « Развѣ ея предсказанія злополучны ?

— « Ея предсказанія ! я имъ шакже вѣрю, какъ эшому Только все, что я самъ могу предсказать старой сычевкѣ, — и ты увидишь, ошибусь ли, что при первомъ моемъ приспа-

пищу въ Пампуль, пойду съ дюжиной марсовыхъ, (°) и отдамъ ей визитъ, о которомъ она не забудетъ; пусть громъ разразитъ меня, если останется хотя одинъ камень отъ ея лачуги, и если я не раскрашу ей спину радужными цвѣтами.

— « Не говори такимъ образомъ о женщинѣ *двузрячей*; (*) сдѣлай милость! не опшывай сегодня : сей часъ черно-бѣлый водорѣзъ висѣя надъ бригомъ, непуская пронзительные крики ; это худое предзнаменованіе . . . не опшывай ! »

(°) Ошибочные мапрасы.

(*) *Second sight*, *двойное зрѣніе*, т. е. даръ прозорливости, предвѣднія. Шотландцы и простой народъ въ Англіи весьма вѣрятъ, что есть люди, оцаренные отъ рожденія смѣлымъ свойствомъ. Вѣроятнѣе, и въ другихъ странахъ извѣстна сіе повѣрье. У насъ въ Сибири приписываютъ даръ сей Шаманамъ.

Сказавъ слова сѣи, Мели бросилась къ ногамъ Кернока, которъй слушалъ ее сперва довольно шеривливо, но на-скучивъ, онъ ошполкнулъ ее ошъ себя такъ сильно, что голова Мели ударилась объ полъ.

Въ ту же минуу, Кернокъ, угадавъ по непомърному попірлсенію корабля, что якорь подался на шпиль, съ ру-паромъ въ рукъ успремился на пазубу.

ГЛАВА VI.

СНЯТІЕ СЪ ЯКОРЯ.

*Alerte ! alerte ! voici les pirates
d'Ochali qui partent.*

LE CARTIF D'OSHALI.

Едва Кернокъ явился на палубѣ, какъ наступило глубокое безмолвіе.

Слышенъ былъ только рѣзкій звукъ свистка шкипера Зелли, который, склонясь на шхафутъ брига, приказывалъ крѣпить якорь, означая маневръ различными измѣненіями тоновъ.

— « Поднимають ли плехтъ ? » закричалъ онъ секунду, который передалъ сей вопросъ Керноку.

— « Подождать, » сказать сей послѣдній, « и послать людей на верхъ. »

Особливый сигналъ въ свислокъ, повторенный подскиперомъ, едва раздастся, какъ пятьдесятъ два машироса и плпъ штурманскихъ учениковъ, составлявшихъ экипажъ *Колтика*, столли уже на палубѣ, выстроеныя въ двѣ лини, съ приподнятыми головами, неподвижными взорами и опущенными руками.

Эти молодцы не имѣли крошкой и простодушной паружности молодого семинариста, о! въшь. Но, судя по ихъ угрюмымъ лицамъ, по ихъ наморщеннымъ лбамъ, замѣтно было, что спрасни, — и какія спрасни! — что спрасни обладали ими, и что эти удаые ребята вели жизнь, увы! слишкомъ бурную.

При томъ же, по былъ космополитный экипажъ; такъ сказать, живой перечень почти всѣхъ народовъ въ

міръ : Французовъ, Русскихъ, Англичанъ, Нѣмцевъ, Испанцевъ, Американцевъ, Египтянъ, Голландцевъ, словомъ шутъ было все, все, даже Китаецъ, котораго Кернокъ завербовалъ въ Маниль. Однако сіе общество, столь мало соплеменное, благодаря суровой дисциплинѣ, установленной Кернокомъ, жило между собою въ совершенномъ согласіи.

— « Дѣлай перекличку, » сказалъ онъ секунду, и каждый матросъ откликнулся на свое имя.

Недоставало одного Лекоэ, кормчаго, соотечественника Кернока.

— « Опімять его къ двадцати ударамъ линька и заключенію на недѣлю въ кандалы, » сказалъ сей Лейтенанту.

И Лейтенантъ записалъ въ своей памятной книжкѣ : *Лекоэ, 20 у. л. и нед. въ к.*, съ такимъ же хладнокро-

вѣшь, какъ купецъ, выставляющій срокъ векселю.

Тогда Кернокъ взошелъ на вахтенную скамью, положилъ свой рунаръ подѣ себя, и началъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ :

— « Ребята, мы отплываемъ въ море. Два мѣсяца мы плѣсневѣемъ здѣсь, какъ испорченный планкоутъ; ваши пояса пусты, но крѣпкаямера (*) полна; наши нушки разинули рты, и ожидаютъ только слова. Мы выйдемъ при свѣжемъ Нордъ-Вестѣ, пустимся къ берегамъ Гибралтарскаго пролива; и если Св. Николай и Св. Варвара намъ помогутъ, ей, ей! ребята, мы возвратимся съ полными карманами, плѣсать съ дѣвушками Сень - Польскими и пить Пампульское вино.

(*) Пороховый погребъ на кораблѣ.

— « Ура ! ура ! » воскликнула экипажъ въ знакъ одобренія.

— « Поднимай плехтъ, гошовъ кливеръ, ставь гротъ, » кричалъ Кернокъ голосомъ Спеннора, отдавая пошчасъ приказаніе къ отплытію, дабы не охладить ревности своего экипажа.

Бригъ, не удерживаемый болѣе своими якорями, двинулся по направленію вѣтра и покапился на правую сторону.

— « Гошовъ марсели, держи круче ! плани брасы на лѣвой сторонѣ ! поднимай марса-фалы ! » продолжалъ Кернокъ.

И бригъ, почувствовавъ силу дуновенія, побѣжалъ; широкіе, сѣрые его паруса надрогались мало по малу, вѣспрь засвиснѣлъ въ снастяхъ; уже Пампиль, берегъ Трегьерскій, островъ Сентъ-Анъ-Росъ-Исманъ и Бѣлая башня, исчезая постепенно, бѣжали отъ глазъ мапросовъ, кои, стоя группами

на вавшахъ и на марсахъ, и устремивъ взоръ на берегъ, казалось, прощались съ Францією на долгую и вѣчную разлуку.

— « Лѣво руля, лѣво руля! спускайся! закричалъ вдругъ Зели съ ужасомъ.

Шшурваль быстро повернулся, и *Коптикъ*, накренился, задрожалъ подъ волною.

— « Чпо шамъ такое? » спросилъ Кернокъ, когда маневръ былъ исполненъ.

— « Лекоэ догналъ насъ, Капитанъ; лликъ его не успѣлъ пристать, и мы пошопили бы оный, какъ орѣховую скорлупу, если бъ я не выпустилъ его къ правому борту, » ошвѣчалъ Зели.

Опоздавшій, проворно вспрыгнувъ на бортъ, приблизился съ смущеніемъ къ Керноку.

— « Опъ чего ты шакъ опоздалъ? »

— « У меня умерла пресшарълая мать ; я хотѣлъ остаться до послѣдней минуты, чтобъ закрыть ей глаза.

— « Ага ! » сказалъ Кернокъ; пошомъ, обратясь къ своему помощнику : — « Прикажи расчищаться съ этимъ добрымъ сыномъ. »

И Лейшенантъ сказалъ слова два на ухо Зели , кошорый повелъ Лекоэ на переднюю часть брига.

— « Дружокъ , » сказалъ тогда шкяперъ, размахивая длиннымъ и тонкимъ линькомъ : « намъ приходится пить съ шобою одну чашу.

— « Понимаю , » отвѣчалъ Лекоэ , поблѣднѣвъ ; « а сколько ? »

— « Бездѣлица.

— « Однакоже ? я хочу знать.

— « Вошь увидишь ; себя не станешь обижать ; впрочемъ ты самъ считаешь.

— « Я опомщу.

— «Всѣ говорятъ это сначала, а послѣ сполько же думаютъ о мщеніи, сколько о вѣтрѣ, бывшемъ на канунѣ. Проворный, любезный, поронись; я вижу, Капитанъ шерленъ перпѣнис, и можетъ быть, вздумаетъ ошшошчиванъ меня тѣмъ же госпинцемъ.»

Лекоз привязали къ вантъ-трапу, поднятъ руки и обнаживъ ему спину по поясъ.

— «Гопово,» сказалъ шкиперъ Зелн. Кернокъ подавъ знакъ, линекъ засвиспалъ и раздался на спинѣ Лекоз. До шестяго удара, онъ былъ твердъ: слышалось только глухое спспаніе, сопровождавшее каждый ударъ веревки. Но при седьмомъ, бодрость его оставила, и дѣйствительно ему надлежало много переносить, ибо каждый ударъ оставлялъ на шлѣ Лекоз красные рубцы, кои тотчасъ спспанвлились синими и бѣловатыми; потомъ кожа

вздучась, мясо отдѣлилось и окровавилось. Видно, что пытка сдѣлалась нестерпимою, ибо совершенное изнеможеніе заступило мѣсто судорожнаго раздраженія, поддерживавшаго дошоль Лекоэ.

— « Ему дурно, » сказалъ Зелл приподнявъ линекъ. . . .

Тогда Дюранъ, корабельный Тимерманъ-хирургъ-ковстапель, подошелъ, пощупалъ пульсъ у справальца, пошомъ сдѣлавъ какую-то ужимку, пожалъ плечами, и подалъ выразительный знакъ шкиперу Зелл.

Линекъ свва за прыгалъ, но издаваемый онымъ звукъ не былъ уже твердъ и громокъ, какъ прежде, когда онъ отражался отъ гладкой и крѣпкой кожи, но глухой и мягкій, подобный стучу веревки, ударяющей по густой грязи.

Спина Лекое была пробита до костей; кожа падала клочками, до того, что шкиперъ заслонялъ рукою глаза, дабы не быть обрызганнымъ кровію, разлетающеюся опъ каждого удара.

— «И двадцать,» сказалъ онъ съ видомъ удовольствія, смѣшаннаго съ сожалѣніемъ, какъ дѣвушка, дающая своему любезному послѣдній, обѣщанный ему поцѣлуй.

Или, если угодно, какъ банкиръ, считающій послѣднюю свою пачку ефимковъ.

Какъ бы то ни было, Лекое опнес-ли безъ малѣйшаго признака жизни.

— «Теперь,» сказалъ Кернокъ, хорошій пороховой пластырь съ уксу-сомъ на его царапины; завтра все пройдетъ.» Попомъ обратился къ ру-левому : — «Держи на Зюйдъ-Весшъ;

если увидите судно, дайте мне
знать.»

И онъ сошелъ въ свою каюту, что-
бы отыскать Мелл.

ГЛАВА VII.

КАРЛОСЪ и АНИТА.

.... Ce tumulte affreux, cette fièvre dévorante.... c'est l'amour....

О. Р.

Aver la morte innanzi gli peche per me.
РЪТКАРСА.

Еще чувствуемо было сладостное вліяніе полуденнаго климата, когда прехъ-мачповикъ *Санъ - Пабло* находился на высотѣ Гибралтарскаго пролива. Побуждаемый тихимъ вѣшперкомъ, со всѣми выставленными парусами, отъ самыхъ бомъ-брамселей до форъ-стакселей, онъ шелъ изъ Перу въ Лисабонъ подъ Англійскимъ флагомъ, не зная ничего о разрывѣ Франціи съ Англією.

Капитанскую каюпу занималъ Донъ Карлосъ Тоскано съ своею женою, богатымъ негоціантъ изъ Лимы, нанявшею Санъ-Пабло въ Калао.

Донъ Карлосъ съ такою роскошью и щегольствомъ убралъ корабельную каюпу, что не возможно было узнать оной. На стѣрахъ и голыхъ опгородкахъ разширялись богатыя обои, копорья, раздѣляясь надъ окнами, ниспадали волнистыми складками. Полъ былъ устланъ Лимскими цыновками, сплетенными изъ пювкой бѣлой соломы, и украшенными по краямъ широкими неспрыми узорами. Длинные ящики изъ краснаго, полированнаго Акаускаго дерева, сохраняли въ себѣ камелин, Мексиканскіе жасмины и широколиственные кактусы. Далѣе въ прекрасномъ ппичникѣ изъ лимоннаго дерева, на крышомъ легкою золотою сѣтью, порхали Бенгальскіе зяблики съ зеле-

ными головками, пурпуровыми крыльями съ золотымъ опливомъ, и милонидные Поршо-Рикскіе попугайчики, совершенно голубые, съ оранжевыми хохолками и клювами черными, какъ гебенное дерево.

Воздухъ былъ чистъ и прохладенъ, небо ясно, море великолѣпно; и если бы не легкое колебаніе судна, причпняемое зыбью, то можно бь было почестъ себя на землѣ.

Сидя на богашомъ диванѣ, Карлось улыбался женѣ своей, которая держала еще въ рукахъ гишару.

— « Браво! браво! моя Авипа, » вскричалъ онъ, « никто лучше тебя не пѣвалъ про любовь.

— « Потому, что никто лучше не чувствовалъ ея, мой Ангелъ.

— « Да, и навсегда... » сказалъ Карлось.

— «На вѣки. . . .» сказала Аниша.

И уста ихъ встрѣтились, и онъ прижалъ ее къ себѣ съ судорожнымъ движеніемъ.

Гишара, упавъ къ ногамъ ихъ, издала сладостный, гармоническій аккордъ, подобный послѣднему звуку органа.

Карлюсъ смотрѣлъ на свою жену взоромъ, идущимъ прямо къ сердцу, взоромъ, который заставляетъ прелесть любовь, который производитъ болѣзненное ощущеніе.

И она, распаленная симъ огненнымъ, произвольнымъ взоромъ, лепетала, закрывъ свои упомянутыя очи : — «Пощади! . . . пощади! . . . мой Карлюсъ!»

Потомъ, сжавъ руки, она тихо опустилась къ ногамъ Карлоса и оперла свою голову на его колѣна; такъ, что ея блѣдное лицо было какъ бы омрачено съ длинными черными волосами :

только глаза ея блистали сквозь вихрь, подобно звездамъ среди мрачнаго неба.

— « И все это мое, » думалъ Карлосъ; мое, одного меня въ мірѣ, и на вѣки! ибо мы состарѣмся вмѣстѣ; морщины покроютъ также это свѣжее, юное лице; сіи небеновыя кольца свернутся въ сребристыя локоны, » говорилъ онъ, расправляя рукою волнистыя волосы Аниты, « и, бывъ уже старою, старою бабушкою, она угаснетъ въ прекрасный весенній вечеръ, посреди своихъ внучатъ, и послѣднія слова ея будутъ : « Я соединяюсь съ тобою, мой Карлосъ.

— « О! да, ибо я умру прежде ея. . . . Но опселя, до той поры, какая будущность! сколько прекрасныхъ дней! Мы молоды и здоровы, богаты, счастливы чистою совѣстію и воспоминаемъ нѣкоторыхъ добрыхъ дѣлъ; мы снова увидимъ нашу благословенную

Андалузію, Кордову и ея Алгамбру, ея золотую мозанку, портики, прорѣзанные насквозь, ея воздушную архитектуру, нашу прекрасную Виалу, съ ея благоуханными и прохладными померанцевыми рощами, и съ ея бѣломраморными бассейнами, гдѣ дремлюшь прозрачныя воды.

— « И моего опца и домъ, гдѣ я родилась и зеленыя жалюзи, кои я такъ часто приподнимала, когда шы проходили, и старую церковь Санъ-Жуана, гдѣ въ первый разъ, въ продолженіе моей молитвы, твои уста прошептали мнѣ на ухо : — Моя Аниша, я люблю себя! . . . И конечно Пресвятая вняла моимъ молитвамъ, ибо въ ту минуту, какъ шы говорили мнѣ : — Я люблю тебя, я просила Ее о любви твоей, обѣщавшись девятидневный Постъ Богородицѣ. »

Такъ говорила Аниша, ибо мужъ ея окончилъ размышленіемъ вслухъ.

— «Послушай, мой Карлосъ,» сказала она со вздохомъ : «поклѣнись мнѣ, мой Ангель, чпо чрезъ двадцать лѣтъ мы опиравимъ другой девятидневникъ Богородицѣ, дабы возблагодарить ее за то, чпо она благословила нашъ союзъ.

— «Клянусь тебѣ, душа моей жизни! нбо чрезъ двадцать мы будемъ еще молоды любовью и счастіемъ.

— «О! да, наша будущность столь весела, столь блаженна, чпо. . . .»

Она не могла договорить : цѣпное ядро, влетѣвъ со свистомъ въ корму, раздробило ей голову, пересѣкло пополамъ Карлоса, и разбило птичникъ и ящики съ цвѣтами.

Какое счастіе для зябликовъ и попугаевъ, кои вырвались въ окна, хлопая радостно своими крыльями!

ГЛАВА VIII.

П Р И З Ъ.

.... Vil métal!

BURKE.

.... Passible!

BALZAC.

— « Славный ударъ, чоршъ возьми! Смошри-ка, Зелн. . . . Ядро вошло подъ гакабортъ, и вышло въ третій портъ правой стороны. Брависимо, Мелн, шы шворишь чудеса! »

Такъ говорилъ Кернокъ, держа въ рукъ подозрную трубу и поглаживал еще дымящуюся пушку, кошорую онъ самъ навелъ на *Санъ-Пабло*, за то, что сіе судно не довольно скоро подняло свой флагъ.

Это было то ядро, которое убило Карлосъ и жена его.

— «А! на силу-то,» продолжалъ Кернокъ, видя Англійскій флагъ, раз-
вертывающійся мало по малу на концѣ
гафеля трехъ-мачтоваго купеческаго
корабля.

«На силу-то отъзывается... гово-
рять, изъ какого государства? но я
не ошибаюсь... Англичанинъ; почто
Англичанинъ, и собака смѣетъ его
высшавлять, не имѣя ни одной пушки!

— «Зеленъ, Зеленъ,» закричалъ онъ
громовымъ голосомъ, спавъ все паруса
брига и выкидывая весла; чрезъ пол-
часа будемъ мы у него въ бильваперъ.
Вы, Лейтенантъ, велите выносить
койки на верхъ, поспавьте людей по
мѣспамъ, и раздайте сабли и абордаж-
ныя копья.»

За тѣмъ, вскочивъ на короваду :
— «Дыши! если я не ошибаюсь, этопитъ

трехъ-мачшовикъ идетъ изъ южнаго моря ; по этому коропккому и вздернутому носу, по устройству этой кормы, я признаю въ немъ Португальское или Испанское судно, которое плыветъ въ Лисабонъ подъ Англійскимъ флагомъ, не зная, можетъ быть, что война объявлена Англїи. Да это не вѣщаетъ ! Но внутри этого пса должны находиться шастры. Посмотримъ, прахъ его возьми ! одинъ его кузовъ сѣнитъ двадцать тысячъ гурдовъ ! Но постойте, дѣви, *Котчикъ* разширлетъ ужъ крылья и скоро выпуститъ свои когти. Ну же, друзья ! гребите, гребите сильнѣй ! »

И онъ одушевлялъ голосомъ и шлодвиженіями мачросовъ, кои, склонясь на длиныя весла, удвоивали скороспъ брига, сообщаемую оному дуновеніемъ вѣтра.

Прочіе моряки поснѣшно вооружа-

лись саблями и кинжалами, а шкиперъ Зели распредѣлялъ на всякой случай abordажныя орудія.

Кернокъ, окончивъ всѣ распоряженія, сошелъ внизъ и замкнулъ дверь каюшы, въ которой спала Мели.

Все было гошово на *Котикъ*. Капитанъ несчастнаго *Санъ-Пабло*, признавъ бригъ Кернока за военное судно, и горюя о своемъ бѣдствіи, поднялъ Англійскій флагъ, въ надеждѣ опдаться подъ его покровительство.

Но когда онъ увидѣлъ маневръ *Котика*, коего ходъ былъ ускоренъ длинными веслами, то уразумѣлъ, что попалъ на корсера.

Бѣжать было невозможно. За широкимъ въпромъ, сопровождаемымъ временными порывами послѣдовало, совершенное безвѣріе, и весла ирапа доставляли ему очевидное преимущество въ ходѣ. Нельзя было и помы-

сплать о своей защитѣ. Что могли сдѣлать двѣ негодныя пушки Санъ-Пабло прошивъ двадцати коронадъ Коллика, расплоряющихъ грозныя ихъ пасти ?

Почему, разсудительный Капитанъ легъ въ дрейфъ, и въ ожиданіи развязки, приказалъ своему экипажу преклонить колѣна, и вознесши мольбы къ Санъ-Пабло, святому заступнику корабля, дабы онъ явилъ свое могущество въ семъ случаѣ.

И, экипажъ, савдуя примѣру своего Капитана, прочелъ *Pater*.

Но Колликъ приближался....

Два Ave.

Слышенъ былъ уже шумъ его весель, ударявшихъ мѣрно по волнамъ.

Пять *Credo*.

— « *Vale te Dios!* » раздался голосъ Кернока, голосъ грозный и ужасный, поразившій слухъ Испанцевъ.

— « Ого ! » говорилъ иирашъ : « онъ
ложился въ дрейфъ ; мерзавецъ спу-
скаетъ флагъ ; онъ нашъ. Зели, спу-
снисъ къ нему, гоповъ шлюбку и бар-
касъ ; я вду самъ туда. »

И Кернокъ , засунувъ пистолеты
за поясъ и вооружась широкимъ но-
жемъ , однимъ прыжкомъ очутился въ
шлюбкѣ.

— « Если это одна хитрость , если
купецъ пошевеливается только , » кри-
чалъ онъ лейтенанту , « то прибавь
весель , и сшань на шпрингъ въ бли-
жайшемъ разстояніи. »

... Спустил десять минутъ , Кер-
нокъ прыгнулъ на палубу *Санъ-Пабло* ,
съ пистолетами въ рукахъ и саблею
въ зубахъ.

Но онъ шакъ расхохотался , что
добрый клинокъ выпалъ у него изо
рша. Причиною сего смѣха , было пред-
ставившеся ему положеніе Испанскаго

Капитана и его экипажа; они спояли на колѣнахъ предъ грубымъ изображеніемъ Св. Павла и били неупомимо себя въ грудь. Сверхъ того, Капитанъ цѣловалъ эту свяшыню съ сугубымъ жаромъ, повшоряя : — « Санъ-Пабло, *ora pro nobis. . . .* »

Увы, Санъ-Пабло не молился !

— « Перестань обезьяничать, старая ворона , » сказалъ Кернокъ, насмѣявшись до сыта ; « веди лучше меня къ своему гнѣзду.

— « Сенъоръ, по *entiendo* , » отвѣчалъ съ шрепешомъ несчастный Капитанъ.

— « Да , точно , » сказалъ Кернокъ : « ты не понимаешь по-Французски. »

И поелику Кернокъ зналъ каждаго Европейскаго языка столько, сколько его ремесло шребовало, шо и продолжалъ привѣщливо :

— « El dinero, comrade — Деньги, приятель. » —

Испанецъ снова забормоталъ было :
po entiendo.

Но Кернокъ, испощивъ все свое зна-
ніе и замѣнивъ разговоръ паншомимой,
приспавилъ ему къ носу дуло своего
писшолеца.

При семъ приглашеніи, Капитанъ
испустилъ тяжкій, болѣзненный, глу-
бокій вздохъ, и далъ знакъ пирашу
за нимъ слѣдовать.

Что касается до оспальныхъ людей,
составлявшихъ экипажъ *Санъ-Пабло*,
то мапросы брига, дабы не быть
развлеченными въ своихъ дѣйствіяхъ,
персвязали ихъ.

Входъ въ камеру, въ коей хранились
деньги Дона Карлоса, находился подъ
рогожкой, покрывавшею полъ. Почему
Кернокъ былъ принужденъ пройтишь
каюшу, гдѣ лежали окровавленные

остатки двухъ супруговъ. Бѣдный Капишанъ опвратилъ взоръ, и закрылъ рукою глаза.

— « Ага, » сказалъ Кернокъ, полкнувъ пруть ногою, вопиъ какъ Мели управилась. Тыфу пропасть ! какъ опдѣлала ! Да не въ шомъ дѣло, но el dinero el dinero , пріятель , это всего важнѣе . »

Опворили камеру ; и Кернокъ едва не упалъ въ обморокъ при видѣ сошин бочекъ , обитыхъ жельзными обручами , изъ конхъ на каждой было надписано : 20,000 піасировъ (50,000 фр .)

— « Возможно ли ! » вскричалъ онъ : « Чепыре , няпъ можетъ быть , десяти мильіоновъ ! »

И въ пылу восшорга , онъ обнималъ своего Дейшенанша , обнималъ Испанскаго Капишана , обнималъ всѣхъ , даже окровавленные пруты Карлоса и Аниты ! —

Черезъ два часа , перевезены были на бригъ послѣднія пять бочекъ серебра, остальное богатство ограбленнаго купеческаго корабля, на коемъ Кернокъ оставилъ десять человекъ своихъ мажорсовъ, и когото экипажъ былъ скрученъ и брошенъ на палубѣ, а Капитанъ привязанъ къ гротъ-мачтѣ.

— « Дѣши, » сказалъ Кернокъ, « сегодня вечеромъ я даю вамъ, какъ говорится, *porces et festin*, и за нѣмъ сюрпризъ, если будете вести себя скромно.

— « Божусь! Капитанъ, мы будемъ вести себя скромно, скромно, какъ красныя дѣвушки, » ошвѣчалъ шкиперъ Зели, стараясь казаться любезнымъ.

ГЛАВА IX.

П И Р У Ш К А.

Hic chorus ingens

... Coliturgia.

AUTENTUS.

— « Вина, чортъ возьми! вина! »

Бушылки стучашь, стклянки разбиваюшся, брань и пѣсни раздаюшся со всѣхъ сторонъ.

То слышишся шумъ, произведенный паденіемъ охмелевнаго пирата на палубу, то дрожащій голосъ пѣхъ, кои держашь еще свои спаканы въ одной рукѣ, а другою цѣпляюшся за столъ.

— « Вина! Юнга, сюда вина, или я тебл убью. »

Здѣсь борются между собою, нога съ ногой, чело съ челою. Сжимаютъ другъ друга, перегибаются, одинъ скользитъ, падаетъ; кости трещатъ, ломаются и проклятія замѣняютъ смѣхъ.

Тамъ лежатъ окровавленные, съ разбитымъ черепомъ, у ногъ своихъ веселыхъ товарищей, оглашающихъ воздухъ изступленною вакхическою лѣснею.

Тутъ, въ послѣдней степени скопсшва и опьянлости, забавляются, раздробляя руку между двухъ лдеръ мапросу, черпвецки пьяному.

И много еще другихъ игръ.

Споны, крпки неистовсшва и безумной радости смѣшнваются, совокупляются.

Палуба побагровѣла отъ вина илн крови. Чшо нужды! время быспролетитъ на бригъ *Копчикъ*: тамъ все шалость, упоеніе, восторгъ. Продол-

жайше, продолжайше, наслаждайтесь жизнью : она кратковременна. Черные дни не редки; кто знает, наступитъ ли завтра для васъ сегодня? Забавляйтесь же, удалые! ловите удовольствіе во всемъ и повсюду.

Однако не это удовольствіе, слабое, благоприспойное, съ золотыми и лазоревыми крыльями, подобное юной дѣвѣ, тихой и робкой; не это нѣжное удовольствіе, которое любитъ повертывать свою милую, блѣдую головку предъ множествомъ зеркалъ своего буазара, или прикасаться только краями розовыхъ губъ своихъ къ чашѣ, наполненной ледянымъ напиткомъ! не этого, наконецъ, Сибарита, желающаго лишь имѣть вокругъ себя цѣппы, благовонныя масла и драгоценныя каменья, женщинъ молодыхъ и веселыхъ, сладкозвучную музыку и превосходныя вина! Нѣтъ, чортъ

поберн! Но это удовольствіе мощное и дюжес, съ окомъ Сатира, съ хохомъ демона, которое гнѣздится въ шракширахъ и картежныхъ домахъ, шьепъ и упивается, грызепъ и раздирасепъ, бьепъ и убивасепъ, потомъ валяется и коробится на объѣдкахъ грубыхъ яствъ, испускал смѣхъ, подобный хрипѣнію шакала.

Продолжайте, продолжайте, наслаждайтесь жизнью; она кратковременна, говорю я! Такъ наслаждались жизнью на бригѣ *Коптикъ*.

Была глухая ночь: фанари, размѣщенные по обвѣсамъ, изливали яркій свѣтъ на палубу судна, которая, по приказанію Кернока, вся уставлена была столами для празднованія его счастливаго приза.

Послѣ обѣда начались увеселенія. Шшурманскій ученикъ, Грень-де-Сель, вымазавшись съ ногъ до головы дег-

шемъ, вздумалъ сверхъ того вываляпшья въ пуховикъ, и вышедъ изъ онаго, весьма походилъ на живописное о двухъ ногахъ безъ крыльевъ.

И какъ весело было видѣшь, какъ онъ рѣзвился, прыгалъ, скакалъ, вертѣлся, плясалъ, ободряемый рукоплесканіями экипажа, и побуждаемый ударами линька, опускаемыми ему, время отъ времени, шкиперомъ Зеля, для поддержанія его проворства и гибкости.

Но одинъ забавникъ, шутникъ, Нѣмецъ, кажется, желая содѣлать праздникъ совершеннѣе, поднесъ зажженный фншиль къ пуку пакли, живописво попрыскавшей на лбу Гренъ-де-Селя.

Отъ пакли огонь сообщился волосамъ, отъ волосъ церьямъ, и, неожиданнаго акробата, несчастнаго Гренъ-де-Селя, такъ охватию жаромъ, что

кожа его скоробилась, и запрещала подь своей воспламененной покрывкой.

Этому до слезъ смѣялись на *Копчикъ*. Между тѣмъ, какъ штурманскій ученикъ выпускалъ страшные вопли, одинъ добрый человекъ, душа соспрадательная, ибо онъ вездѣ есть, взялъ его и бросилъ въ море, сказавъ: — «Я загашу его.»

По счастью, Гресь-де-Сель плавать, какъ семга; онъ захопѣлъ даже продлить свое купанье, весьма его ольжавшее, и разгуливалъ вокругъ брига, какъ Трипонъ или Наяда, на вашъ выборъ; потомъ вошелъ въ кормовый портикъ, сказавъ съ своимъ обычнымъ спонцизмомъ: — «Лучше же это, нежели быть сожженнымъ заживо; но все-таки я чудесно повеселился.»

Послышался выспрѣлъ изъ пяснолеса; потомъ пронзительный крикъ раздался изъ каюты Керюка. Зелл

опрометью туда бросился: то были пущики! бездѣлица!

Представьте себѣ: Кернокъ, разгоряченный не много грокомъ, весьма хвалился своею ловкостію передъ Мели. — «Вѣюсь объ закладъ,» говорилъ онъ ей, «чѣмъ я однимъ выспрѣломъ въ пистолета вырву ножъ, который ты держишь въ рукѣ.» Мели не сомнѣвалась ни сколько въ искусствѣ своего любезнаго; но не желая такимъ образомъ испытать оное, отклонилась отъ предложенія.

— «Трусиха!» закричалъ Кернокъ: «накѣ чѣмъ тебѣ проучить, я вышибу у тебя твой спаканъ.» Сказавъ это, онъ схватилъ пистолетъ, и спаканъ Мели, разбишый пулею, разлетѣлся въ дребезги.

Когда Зели вошелъ, Кернокъ, опрокинувшись назадъ, съ пистолетомъ еще въ рукѣ, хохоталъ надъ испугомъ

Мели, которал, блѣдная и трепещущая, прижалась въ уголъ каюшы.

— «Ну, что, Зея!» сказала иррангъ: «что, мой старый морской волкъ! каково проводить время тамъ наверху, твои мамзели?»

- «Прекрасно, Капппанъ; но эти барышни ожидаютъ сюрприза.

— «Сюрприза? Ахъ! правда; послушай...»

И онъ сказалъ слова два на ухо Зея. Сей послѣдній опскочилъ съ удивленнымъ видомъ, разинувъ свой широкій ротъ.

— «Какъ... вы хотите?...»

— «Разумѣется. Развѣ это не сюрпризъ?...»

— «Удивительный, и при томъ будетъ забавный... Я отправлюсь туда, Капппанъ.»

Вскорѣ Кернокъ взошелъ на палубу

съ своею Мели. При его появленіи, раздались новые крики радости.

— «Ура, Капитанъ Кернокъ! ура, жена его! ура, *Коптикъ!!*»

Ракета поднялась съ *Санъ - Пабло*, лежавшаго въ дрейфъ, на два ружейные выстрѣла отъ брига. Она описала свою кривизну и ниспала огненнымъ дождемъ.

— «Посмотрите, Капитанъ, что это за ракета!» сказалъ Лейтенантъ.

— «Я знаю, что это, товарищъ. Ну же, дѣти, велише проворнѣй обнести ромъ и джинъ. Сшаканъ мнѣ, сшаканъ женѣ моей.»

Мели хотѣла отказатьсь; но какъ воспротивишь ся желанію шъжнаго своего друга?

— «Да здравствуюшъ товарищи и храбрыя дѣши Капитана *Коптика!*» сказалъ Кернокъ, опорожнивъ свой сшаканъ.

— « Ура ! » подхватили экипажь голосомъ громкимъ и звучнымъ.

Пирушка была тогда во всемъ блескѣ. Мапросы, взявшись за руки, перешлись сломъ голову вокругъ палубы, напѣвая во все горло самыя соблазнительныя и самыя непристойныя пѣсни.

Спустя не много, Зели, со взявшими имъ съ корабля *Санъ - Пабло* десятью людьми, оставленными тамъ на время Кернокомъ, присталъ къ дѣвой спиронѣ.

Никого болѣе не оставалось на Испанскомъ суднѣ, кромѣ его экипажа, связаннаго и скрученнаго на палубѣ.

— « Все гошово , » сказалъ Зели : « когда вторая ракета поднимется , Каншанъ , шо это будетъ знакомъ , что фитьль запалишь . . . »

— « Хорошо , » отвѣчалъ Кернокъ , перебывая его . « Дѣши ! я вамъ обв-

щаль сюрпризъ, если вы будете вести себя хорошо. Ваше благоразуміе и умеренность превзошли мои ожиданія ; вы сейчасъ за то получите награду. Эпопъ Испанскій корабль, оснащенный и вооруженный, какъ видите, стидитъ вѣрныхъ... тридцати тысячъ піастровъ ;... я плачу за него сорокъ тысячъ, дѣти мои, я покупаю его на мою долю добычи, лишь бы имѣшь удовольствіе представить экипажу *Коптика* потѣшный огонь съ музыкой. Смотрите, вотъ сигналъ. Проворно, по мѣстамъ! «

И весь экипажъ, по крайней мѣрѣ, кои были въ состояніи ходить и видѣшь, расположились группами на марсахъ и на вантахъ.

Впорая ракета взлетѣла съ *Санъ-Пабло*; огонь начиналъ на немъ заниматься

Это былъ шотъ самый сюрпризъ,

кошорый Кернокъ изготавилъ своему экипажу ; онъ посылалъ Зели на Испанское судно , съ тѣмъ , чтобъ собрать весь порохъ , какой только могъ тамъ остаться , разложить горючія вещества въ орлопъ и въ прюмъ , и наконецъ , подтянуть покрѣпче веревки , связывающія несчастныхъ Испанцевъ , которые ничего еще не подозрѣвали.

И такъ *Санъ - Пабло* горѣлъ ; ночь была мрачна , воздухъ тихъ , море какъ зеркало.

Сначала , изъ люковъ корабля вышелъ , густой , смолистый дымъ съ кучею искръ.

И крикъ пронзительный , . . . ужасный , . . . раздавшійся вдали , изторгулся изъ внутренности *Санъ-Пабло* ; ибо экипажъ онаго увидѣлъ , какой онъ предназначенъ участи.

— «Вопль и музыка!» сказали Кернокъ.

— «Однако они поютъ дьявольски фальшиво,» прибавилъ Зелн.

Дымъ краснѣлъ болѣе и болѣе, потомъ побагровѣлъ; и наконецъ, столпъ пламени, вырвавшись вихремъ изъ большаго люка, отразился въ водахъ длинными лучами кроваваго цвѣта.

— «Ура!!!» воскликнулъ экипажъ брига. Пожаръ увеличился; огонь, выходя изъ трехъ люковъ въ одно время, слился и развернулся, какъ широкая пламенная завѣса, на коей мачты и снасти *Сант - Пабло* рисовались чернымъ цвѣтомъ.

Тогда крики Испанцевъ, свлзанныхъ среди сего раскаленнаго горнила, содѣлались столь ужасными, что пираты, какъ бы прошивъ воли, ис-

пустили дикі вопли, дабы заглушити раздрающій душу голосъ сихъ несчастныхъ.

Пожаръ тогда былъ во всей своей силѣ. Вскорѣ пламя охватило снасти, пробѣжало по канатамъ; спенсиги, не поддерживаемыя болѣе ванпами, заперещали, и съ страшнымъ грохотомъ упали на палубу; горящія веревки повисли со всѣхъ сторонъ, и сія огромная масса свѣта казалась тѣмъ ослѣпительнѣе, что ночь была чрезвычайно мрачна.

Испанцы уже не кричали....

Вдругъ пламя пробило широкое отверстіе въ одномъ изъ боковъ корабля, и грохотъ-мачта повалилась на ту же сторону; *Синъ - Пабло*, сильно покачнувшись, накренился на лѣвый бокъ, и вода съ шипѣніемъ вбѣжала въ шлюмъ.

Мало по малу, кузовъ корабля пополнилъ. Одна только бизань-мачша оставалась еще стоящею, одинокою на водахъ и пламенѣвшею, какъ погребальный факель За тѣмъ, крѣйсь-сеньга исчезла; крѣйсь-брамь-сеньга возвышала еще свою горящую верхушку; но вскорѣ вода заключила вокругъ и видѣнъ былъ только легкій красноватый дымокъ, за тѣмъ, болѣе ничего, . . . ничего, . . . кромѣ безпредѣльности . . . ночи . . .

— « Вотъ уже и кончилось! » сказалъ Кернокъ: » *Санъ - Пабло* укралъ наши деньги.

— « Да здравствуетъ Капитанъ Кернокъ, дающій такіе великолѣпные праздники своему экипажу! » воскликнулъ Зели.

— « Ура!! » отвѣчалъ экипажъ.

И упомянутые пираты кинулись на палубу.

Кернокъ оставилъ Коптикъ въ дрейфъ до появленія зари, и предался на нѣсколько минутъ покою, съ нѣмъ внутреннимъ удовольствіемъ, како ощущаетъ богатый человекъ, входя въ свою спальную комнату, послѣ даннаго имъ пышнаго празднества.

Потомъ пиратъ пробормоталъ сквозь сонъ:

— « Они должны быть довольны; ибо я очень хорошо обработалъ дѣла: корабль въ 300 тоннъ и три дюжины Испанцевъ! это изрядно; однако ихъ не должно къ этому приучать; оно хорошо время отъ времени, ибо надобно иногда немного и посмѣяться. »

ГЛАВА X.

ПОГОНЯ.

Away . . . Away . . .

Впередъ.

Впередъ! . . . Впередъ!

Все спало на бортъ *Колтика* ; одна Мели находилась на палубѣ, волнуемая смутнымъ безпокойствомъ. Ночь была еще мрачна, но блѣдный свѣтъ, показывавшійся на горизонтѣ, возвѣщала приближеніе зари. Вскорѣ широкія полосы розоваго и золотистаго цвѣта забороздили небо, звѣзды потускли, исчезли, солнце начало появляться, пошомъ медленно поднялось надъ синеватыми и неподвижными водами Океана, кошорья, казалось, покрыло оно пурпуровымъ покрываломъ.

Штиль все еще продолжался; бригъ оставался въ дрейфѣ подъ галсами прошедшаго вечера. Мели мечтала, сидя на вахтенной скамьѣ, закрывъ лице обѣими руками; но когда она приподняла голову, по дневный свѣтъ, довольно уже распространившійся, дозволилъ ей различать предметы, ее окружавшіе, и она содроглась отъ ужаса и отвращенія!

Мапрорсы спали посреди посуды и оснашковъ вечерняго ширшества; безпорядокъ являлся въ высшей степени; компасы были опрокинуты; веревки и снасти перепутаны; оружіе и стеклянки въ дребезгахъ, бочки съ выбитыми двами изливали цѣлые ручьи водки и вина. . . . Здѣсь одинъ изъ снящихъ удалцовъ, съ разбросанными шуда и сюда руками, сжималъ еще бушылку, ошъ коей оставалось только горлышко, подобно пѣмъ гордымъ Кор-

дованцамъ, кои, даже убитые, сохраняли въ рукѣ обломокъ своего кинжала. Тамъ, другой пиратъ спалъ, просунувъ шею подъ шпуръ - валъ, такъ что при малѣйшемъ движеніи колеса, голова его должна бытъ неминуема раздроблена.

Настоящее упрямство минувшей попойки, и притомъ попойки пиратовъ!

Первая мысль Мели была благословлять Провидѣніе, за то, что оно хранило съ такою бдительностію все это доспойное сообщество и, что бригъ сползъ еще на водахъ; ибо судя по безпечности, царствовавшей въ эту минуту на борту, если бы во время ночи поднялась буря, то неспало бы ни *Котлика*, ни Кернока, ни экипажа, ни десяти милліоновъ; какая жалость!!!

И такъ, она хотѣла молиться. — Бѣдная дѣвушка находила на бригѣ

пакъ мало случаевъ возноситься душею къ Творцу Всевышнему! — Для моливывы, она преклонила колѣна и невольно обратила глаза къ этой шуманной и голубоватой чертѣ, которая ополсываетъ горизонтъ: но не молилась. Ея взоры сдвѣялись неподвижными и приковались къ одной точкѣ, сначала неясственной, по которую вскорѣ она могла рассмотретьъ лучше, наконецъ, положила руку на свои брови, дабы соединить болѣе зрительныхъ лучей, съ минутой наблюдала, потомъ черты ея приняли выраженіе живѣйшаго страха, и въ два прыжка она была въ каютѣ Кернока.

— « Ты съ ума сошла, » говорилъ пиратъ, всходя шпелымъ и еще не швердымъ опть попойки шагомъ на палубу; « ну, если ты меня разбудила по пустякамъ. . . .

— «Смоприне,» отвѣчала Мели, подавал ему одною рукою подозрную трубу, а другою указывал на бѣлованую шочку, виднѣвшуюся на горизонтѣ.

— «Чорнѣ побери!» сказалъ Кернокъ, поглядѣвъ внимашельно: и приспавилъ поспѣшно трубу къ лѣвому глазу.

— «Что за дьявольщина!»

И онъ выперъ стекло инсшрумента, какъ бы для того, чтобы удостовѣришься, точно ли онъ видишь хорошо и ясно, и не обманываетъ ли его какое-либо опшическое видѣніе. Нѣтъ, онъ не обманывался! . . .

.
(Здѣсь слѣдовало провозглашеніе всего, что можно только опъискавъ самага грубѣйшаго въ словарь пиратта.)
.

Едва эшонтъ потокъ проклятій и

ругашельспвъ измѣлся, какъ Кернокъ вооружился ганшпугомъ. — Ганшпугъ есть кусокъ дерева, опѣ пяти до шестн футовъ длиною и въ чепыре дюйма шолщиною. Эта дубовая и-грушка служилъ для поворачиваніи орудій на кораблѣ — Кернокъ перемѣнилъ покамѣспѣ назначеніе оной; ибо онъ употребилъ эту вещь для пробужденія своего экипажа. Удары ганшпуга, доснойно сопровождаемые бранью, способною разразить бригъ, сын лись пуще града, то на палубу, то на сонныхъ матросовъ. За то, когда Капитанъ окончилъ обходъ свой всѣ почти были на ногахъ, потирая глаза, голову или спину и спрашивая со спрашной зѣвошой: — «Что шамъ такое?»

— «Что шамъ!» кричалъ Кернокъ громовымъ голосомъ, «что шамъ, негодныя собаки! военное судно, Ан-

гайскал корветта, прибавляющая парусовъ, чпобъ насъ настигнуть!...

— Корветта, имѣющая надъ *Коптикомъ* выгоду въ вѣтрѣ, ибо онъ тамъ свѣжѣетъ, и къ намъ не прежде будетъ, какъ съ эшимъ Англичаниномъ, провалитъ бы его взять!»

И всѣ глаза обратилась къ шочкѣ, на которую Кернокъ указывалъ концемъ своей подзорной трубы.

— «Восемь, десять, пятнадцать портовъ!» вскричалъ онъ, тридцатипушечная корветта; это изрядно, и въ добавокъ голубой эскадры. «

Онъ позвалъ Зели.

— «Послушай, Зели, шуть нечего зѣвать; прикажи выкинуть весла, привести все въ возможный порядокъ; поворотимъ оверштагъ и уберемъ въ море: клювъ и когши *Коптика* не довольно шверды, что бь зариться на такую добычу.»

Запѣвъ онъ приложилъ ко рту свой рупаръ: — « По мѣстамъ, распуской марсели и брамсели! Готовь грошъ и форъ-бомъ-брамсели! Станови марса и удертъ-лисели! А вы, ребята, принимайтесь за ваши весла; лишь бы только намъ войны въ курсъ, а тамъ *Копилу* нечего бояться. Помните, что у насъ десять милліоновъ на брига! Такъ выбирайте, или вистъ на релхъ Англичанъ, или возвратитесь съ полными карманами въ Сен - Поль, пить грокъ и плясать съ красавицами! »

Экипажъ Кернока понялъ его совершенно; въ выборъ нельзя было колебаться; почему, съ помощію посланныхъ парусовъ и дюжихъ гребцовъ, *Копилъ* началъ пробѣгать при узла.

Но Кернокъ не полагался на ходъ своего брига; онъ хорошо видѣлъ, что Англійская корветка, идя съ

въпрямъ, имѣла надъ нимъ очевидное преимущество. Почему пиратъ, какъ разсудительный Капитанъ, приказалъ выносить койки на верхъ, открыть крюкъ-камеру, ушавить на крапцахъ ядра, и внести на палубу абордажныя копья и выпрекели, надзвря надъ всѣмъ эшимъ съ немовѣрною дѣятельностію и неутомимостію.

Англійская корветта приближалась болѣе и болѣе....

Кернокъ вслѣлъ позвать Мели и сказалъ ей: — «Милая моя, върояпно, каша заварится; спушись сейчасъ въ прюмъ, забейся тамъ, и будь неподвижна, какъ пушка на лафетѣ. — Да!... кспати, если ты почувствуешь, что бригъ кружится и спускается, то это будетъ значить, что мы идемъ на дно. Понимаешь..... идемъ на дно, и ождай скорѣй этого, нежели видѣть спемсона, курящаго трубку.

Полно же плакать, поцѣлуй меня живѣй, и чтобъ я не видѣлъ тебя до окончаніи свалки, ежели только въ ней я не оспавлю моей кожи.»

Мели такъ поблѣднѣла, что ее можно было счесть за алебастровую статую. — « Кернокъ, позвольте мнѣ оспаться при васъ,» пролепетала она, и охватила обѣими руками шею пирата, который сначала запрепещалъ, потомъ оттолкнулъ ее.

— « Убирайся прочь,» закричалъ онъ, « убирайся!

— « Кернокъ... . позволь мнѣ заболтаться о дняхъ твоихъ!» сказала она, обнимал его ноги.

— « Зели, освободи меня отъ этой дуры, и спусти ее въ шпрюмъ,» возразилъ пиратъ.

И въ ту минушу, какъ хотѣли взять Мели, она усиленно вырвалась,

и подошла къ Керноку, съ одушевленнымъ лицомъ, съ сверкающими очами.

— « По крайней мѣрѣ, » сказала она: « прійми этотъ талисманъ, носи его, онъ будетъ охранять жизнь твою во время битвы : дѣйствіе его несомнительно; мнѣ подарила его моя престарѣлая мать. Этотъ талисманъ могущественнѣе самой судьбы. . . . Вѣрь мнѣ, носи его. »

И она протягивала къ Керноку руку съ маленькой красной ладонкой, висѣвшей на черномъ снуркѣ.

— « Прочь же эту дуру, » сказалъ Кернокъ пожмая плечами; « ты не пошла мени, Зели, а? въ шрѹмъ. »

— « Если ты умрешь, то умрешь по своей волѣ; но по крайней мѣрѣ, я раздѣлю съ тобою твою участь. Опнынѣ, ничто болѣе, ничто не защититъ дней моихъ; я снова стану вѣсною женщиной, какъ ты мужчина! »

вскричала Мели, и бросила ладонку въ море.

— «Добрая дѣвка,» сказалъ Кернокъ провожая ее глазами, тогда, какъ два машроса спускали ее въ прюмъ на спудъ, привязанномъ къ длинной веревкѣ.

Англійская корвешша приближалась болѣе и болѣе....

Зели подошелъ къ Керноку.

— «Капитанъ, Англичане насъ догоняють!»

— «Я самъ это очень хорошо вижу, дурачина! наши весла ничего не помогаютъ, напрасно только упоминають людей; убрать ихъ, зарядить коронады въ два ядра, расположить абордажные дреги, и помѣспить каменобросы на марсахъ; приходится рѣзаться на пропалое : ошлыниваться некуда. Прикажи также свернуть брамселю и снять лиселю; если въшеръ закры-

часть, мы будемъ сражаться подъ марселями, эта лучшая выспулка *Коллика*. »

Когда маневръ былъ выполненъ, Кернокъ обратился къ своему экипажу съ слѣдующею рѣчью : — « Друзья ! вошь корветта, у которой жиыи крѣпки; она такъ жестоко тѣснитъ *Колликъ*, что намъ нѣтъ надежды выиграть въперъ : впрочемъ въ этомъ и нѣтъ нужды. Если мы будемъ захвачены, насъ повѣсятъ; если сдадимся, то же самое; станемъ же драться, какъ слѣдуетъ храбрымъ мапросамъ, и, можеть бытъ, что произойдетъ огонь, какъ говорится, со всѣхъ пяти концевъ, мы еще и уцелемъ. . . . Чортъ возьми, молодцы! *Колликъ* умѣлъ славно потопить послѣ двухъ-часоваго, при берегахъ Сицилин боя, большой Сардинскій шрехъ-мачшовикъ, такъ неужели онъ побоятся этой корветты съ голубымъ флагомъ?

Подумайте, также, что мы защищаемъ десяшь миллионовъ. Чортъ возьми! ребята, десяшь миллионовъ, или веревка!»

Двйспвіемъ сего заключенія, было безмолвное согласіе, а потомъ весь экипажъ закричалъ въ одинъ голосъ: — «Ура! — Смершь Англичанамъ!»

Корветта находилась тогда столь близко, что можно было различить совершенно ея галсы и снасти.

Вдругъ легкій дымокъ поднялся съ ея борта, молнія блеснула, глухой спукъ раздался, и ядро со свистомъ пролетѣло мимо бушприта *Копчика*.

— «Корветта заговариваетъ,» сказалъ Кернокъ, «любопытная желаетъ вѣрно видѣть нашъ флагъ:

— «Какой прикажете подяшь?» спросилъ шкиперъ Зели.

— «Вопъ этотъ,» сказалъ Кернокъ, «надобно бышь вѣжливѣтъ.»

И онъ швырнулъ ногою шарый мапирозскій парусинникъ, весь перемаранный дегтемъ и виномъ.

— « Это забавно, » сказалъ шкиперъ, и ветонка величественно поднялась на высоту гардели.

По видимому шутка показалаь слабою на борнѣ корвешпы; ибо два пушечные выстрѣла бѣди сдѣланы съ нею почти въ одну минуту, и ядра въ нѣкоторыхъ мѣстахъ порвали снасти *Копика*.

— « Ого ! ты начинаешь ужъ и сердиться, красавица ; шалишь, » сказалъ Кернокъ. — « Сюда, Мели ! » — и онъ склонился на пушку, окрещенную этимъ именемъ, навелъ, прицѣлить : — « Вотъ тебѣ, Англичанка, » и выстрѣлить.

— « Bravo ! » вскричалъ онъ, когда пороховый дымъ разсѣлся и когда онъ могъ видѣть дѣйствіе своего выстрѣла,

« браво ! Смощри-ка , Зелн , ея крьюсь-спеньга разлетѣлась въ дребезги : дѣло идетъ , идетъ , друзья мон , но когда *Колтикъ* примется щекопашь ей бока абордажными когтями , шо-шо будешь смѣшно Англичанкѣ .

— « Ура ! ура ! » воскликнуть экипажъ .

Кервешта не ошвѣчала на ядро *Кернока* , исправила нѣ-скоро свое поврежденіе , и пустилась по вѣтру на корсера .

.....

Тогда она находилась такъ близко , что слышны были голоса и командование Английскихъ Офицеровъ .

— « Ребята , по пушкамъ ! » сказали *Кернокъ* , успрямься на вахшенную скамью съ рупаромъ въ рукѣ ; « по пушкамъ , никто не смѣй спрѣлять пржеде команды ! »

ГЛАВА XI.

Б И Т В А.

*L'abordage !... l'abordage ,
On se suspend au cordage ,
On s'élançe des haubans.*

Victor Hugo , Navarin.

— « Г. Дюранъ ! ядерь !! — Г. Дюранъ , въ носовой части открылась печь. — Г. Дюранъ , посмотрише на мою голову , на мою руку ; видише , какъ печешь кровь ! » И имя Г. Дюрана , Тимермана-хирурга-консшапеля , раздавалось опъ палубы до шрюма , не взирая на шумъ и сумящницу , неразлучныя съ такимъ люпымъ и жаркимъ сраженіемъ , какое происходило между

бригомъ и корвештой; и дѣйстви-
тельно, *Коптикъ*, при каждомъ произ-
водимомъ имъ залѣ, дрожалъ и шре-
щалъ въ своихъ соснавахъ, какъ бы
гошоваясь разсѣсться.

— «Г. Дюранъ, ядерь! — Течь! —
Моя нога!» повпоряли смѣшенные и
шоропливые голоса.

— «Но, Боже мой! дайте срокъ;
я не могу всего разомъ дѣлать! вы-
сылать ядра на верхъ, исправлять
внизу поврежденія, осматривать ваши
раны; надобно сперва исполнить
необходимѣйшее, а потомъ уже за-
няться вами, негодные крикуны; ибо,
къ чему вы теперь годны? вы также
безполезны, какъ рея безъ парусовъ и
лякъ-шросовъ.

— «Констапель! ядерь! проворнѣй
ядерь!

— «Ядерь? Праведный Боже! какіе
выспирѣны! если эша пѣсня продолжалась

еще четверть часа, шакъ и конецъ зарядамъ. Возьмите, друзья мои, берегите ихъ. Это послѣдніе.»

Тогда Г. Дюранъ бросилъ кокоръ, взялъ конопатный молошокъ и поспѣшилъ оснанавливать печь.

— « Чортъ побери! я крѣпко спра-
даю, » сказалъ шкиперъ Зели.

Онъ лежалъ на полу, въ орлопѣ, едва освѣщенномъ тщательнo запер-
тымъ фанаремъ; правое бедро его висѣло только на одномъ клочкѣ шѣла, лѣвое совсѣмъ было опорвано.

Вокругъ него спенали другіе ране-
ные, брошенные шамъ и сямъ, въ
ожиданіи, когда Г. Дюрану позволишь
возможность смѣнить конопатку на
хирургическій ножъ.

— « Мочи нѣтъ! какая у меня
жажда, » продолжалъ Зели : « я чув-
свую себя крайне слабымъ. Едва

слышу, какъ говорятъ наши пушки; насморкъ, чпо ли у нихъ?»

Напротивъ, залпы въ то время были сильнѣе и громче, нежели прежде, но органъ слуха шкипера Зелн былъ уже ослабленъ приближеніемъ смерти.

— «О! какая у меня жажда,» сказалъ онъ оплшъ, «и мнѣ холодно, мнѣ, копорому сейчасъ было шакъ жарко.» За пѣмъ, обратился къ одному собрату: «послушай, ты, Полякъ, чпо шепл шакъ коробишь? Охъ! ты бездѣльникъ! шохо, чпо ли? вопъ и закапиль глаза.»

То былъ одинъ издыхавшій въ смертельномъ судорожномъ помраченіи.

— «Дюранъ, приди же сюда, ради Бога!» вскричалъ снова Зелн, «приди осмошрвшь мою ногу, любезный.»

— «Чрезъ минушу я къ швоимъ услугамъ; еще одинъ ударъ коношашкой, и поврежденіе, имѣющесся въ грузовой вапер.инніи, исчезаетъ, какъ слѣсъ

весла на поверхности воды. Ну, вошь дошла и до тебя очередь; что, братъ, видно приспукнули?

— « Да, немножко, » опивчалъ Зели.

Дюранъ снялъ фанаръ и поднесъ оный къ шкиперу Зели, который скорчилъ родъ улыбки, гордясь изумленіемъ Дюрана.

— « Смогри, пожалуй, » сказалъ Тимерманъ-хирургъ-консшпель, « гдѣ же швоя другая нога, запѣйникъ? »

— « Тамъ, на бакѣ, еще можешъ бышь Освободи меня, прошу, и опъ этой : она мнѣ въ шягосш. Кажешся, будто мнѣ привязали тридцати-шести фуншвое ядро къ ногѣ. »

Разглядывая ногу шкипера Зели, Г. Дюранъ покачалъ при или четыре раза головою, проевисталъ, правда, очень тихо, арію изъ *Розоваго Духа*, и кончивъ ее, оказалъ : — « Тебя опрабшали, другъ мой. . . . »

— « Ахъ ! да , правда , и очень !

— « Очень

— « Такъ если ты добрый поваричъ , возьми мой пистолетъ и раскромь мнѣ черепъ .

— « Я только что хотѣлъ предложить тебѣ это .

— « Спасибо .

— « Не будетъ ли напередъ отъ тебя какогонибудь порученія ?

— « Нѣтъ . Ахъ ! поспой : на , вотъ мои часы ; отдай ихъ Гренъ-де-Селю .

— « Хорошо . Ну

— « Ахъ ! я позабылъ ; если Капитанъ не разорвешся шамъ наверху , какъ мушкетеръ , скажи ему отъ меня , что онъ командовать молодецъ .

— « Хорошо . И такъ

— « Такъ ты полагаешь , что я , какъ говоришь

— « Экой сиранный человекъ ! не

ужели ты думаешь, что я сталъ бы подшучивать надъ своимъ другомъ?

— « Разумѣется, нѣтъ. Между тѣмъ все таки это грустно Бррр. Какъ холодно ! Я почти не въ состояніи говорить Мнѣ кажется , будто языкъ мой тяжель, какъ кусокъ свинца. На силу ворочаешься Прощай, любезный. Еще разъ твою руку Ну, готовъ ли ?

— « Совсѣмъ.

— « Смоужи же ! не дай промаха ! стрѣлай ! . . . вопиъ я и вылеченъ

Онъ упалъ.

— « Бѣдная шварь ! » сказалъ Дюранъ. И это было надгробнымъ словомъ шкиперу Зели.

Г. Дюранъ, можетъ быть, желалъ бы окончить всѣ свои операціи такимъ геройскимъ образомъ ; но прочіе его кліевши, устрашенные жеспокостію приварки , которая однако спюль

хорошо помогла шкиперу Зелли, предочли плаштыри изъ пакли съ жи-ромъ, кои почтенный Докпоръ при-кладывалъ всѣмъ и на все, съ добавле-ніемъ утѣшеній для умирающихъ. На-примѣръ : — « Послѣ насъ конецъ всему міру; » или : — « Будущая кампанія должна быть жесточка, зима холодна, вино дурно; » и множества другихъ подобныхъ любезностей, назначенныхъ къ услажденію послѣднихъ минушъ эшихъ бѣдныхъ пиратовъ, кои съ со-крушеніемъ распавались съ своимъ буйнымъ существованіемъ, не зная навѣрное, куда они идутъ.

Г. Дюранъ былъ внезапно прерванъ среди своихъ духовныхъ и мірскихъ заботъ, Гревъ-де-Селемъ, упавшимъ, какъ бомба, въ середину семи умирающихъ и одиннадцати мертвыхъ.

— « Мѣшашъ мнѣ, что ли, ты пришелъ сюда, собака? » сказалъ Док-

шоръ, и юнга получилъ пощечину, могущую сшибить носорога.

— « Нѣтъ, Г. Дюранъ; навропивъ, наверху спрашиваютъ зарядовъ, ибо всѣ вышли при последнемъ залпѣ; между шѣмъ, какъ Англійская корвета все еще держится; она теперь гладка какъ плашкоушъ, но такой производитъ огонь, что небу жарко.... Ахъ! — И къ тому-же у меня отстрѣленъ палецъ пулею — посмотрите, Г. Дюранъ.

— « Не хочешь-ли ты, чпюбъ я потеряю время, осматривая твою царяину, оборвышъ негодный!

— « Благодарю, Г. Дюранъ; выходящъ, что лучше быть такъ, нежели безъ руки, » сказалъ Грень-де-Сель, обертывая на-скоро оспашокъ своего пальца паклею. Но, смотрите, » прибавилъ онъ, « вопъ паціеншъ къ вамъ прибылъ, Г. Докшоръ. »

То былъ одинъ раненый, котораго спускали въ шлюбу, но какъ онъ былъ худо привязанъ, то упалъ и умеръ на роспяхъ.

— «Еще одинъ вытченъ,» сказалъ Дюранъ, который былъ погруженъ въ размышленіе, приискивая средство къ исправленію недостатка въ ядрахъ.

— «Чортъ возьми! развѣ спануть юнгами заряжать коронады, тогда можно будетъ дѣйствовать по Англичанкѣ,» вскричалъ Дюранъ, выходя поспѣшно на палубу.

Греть-де-Сель пошелъ за нимъ, не зная еще, была ли мысль, объявленная конснапелемъ, употребить его вмѣсто снаряда, одна только шушка, или нѣтъ. Но, вѣрный своей системѣ утѣшенія, онъ сказалъ про себя: «Все же я скорѣе соглашусь на это, нежели быть повѣшену Англичанами.»

ГЛАВА XII.

Б И Т В А.

**Silence! tout est fait, tout retombe à l'abîme.
L'écume des hauts mâts a recouvert la cime.**

VICTOR HUGO. *Nazarin.*

— « Ну, что же? я дерь, или насъ попогыашъ какъ собакъ! » закричалъ Кернокъ конспавелю Дюрану, лишь только сей послѣдній показался на палубѣ.

— « Ни одного, » сказалъ скрежеща зубами Докшоръ.

— « Чпобъ тысячи миллионовъ чертей побрали бригъ! и нечѣмъ, совершенно нечѣмъ принялъ Англичанъ,

кон хопяпть насъ абординовать! смо-
шри! видишь. . . .»

Сказавъ эшо, Кервюкъ толкнулъ
Дюрана на боршовую съшь которая
разорвалась въ куски. Дѣйствительно,
корветшиа, не смотря на шо, что
имѣла жестокія поврежденія, шла фор-
девиндъ на бригъ, подъ клочкомъ сво-
его фока, между шѣмъ, какъ *Котиль*,
потерявшій почти всѣ свои паруса,
и управляемый только посредствомъ
своего кивера и бизани, не могъ из-
бѣжать абордажа, на который поку-
шались Англичане, будучи превосходнѣе
числомъ.

— « Ни ядра! ни ядра!» кричалъ
Кервюкъ въ страшномъ изступленіи.

И пиратъ, задыхался ошъ бышен-
ства, разбилъ въ куски одинъ изъ
компасовъ, подлѣ его находившихся.

Но вдругъ, какъ пораженный внезап-
ною мыслію, закричалъ, ревя ошъ

радосни : — « Піаспры ! . . . Боже мой ! ребята , піаспры ! набьемъ ими наши орудія по горло ; эта карпечъ стóвнть всякой другой. — Англичанка желаетъ монеть , она получитъ ихъ , да еще и горячихъ , которыя , выходя изъ нашихъ пушекъ , будутъ скорѣе находить на бронзовыя слппки , нежели на добрыя Испанскіе гурды . Піаспры на верхъ ! . . . Піаспры ! »

Эта мысль одушевила экипажъ . Г. Дюранъ бросился въ камеру , и вскорѣ были выкачаны три боченка серебра , около 150,000 ливровъ .

— « Смерть Англичанамъ ! » закричали остальные , бывшіе въ сослоініи еще сражашься , девятнадцать парашовъ , зачернѣлые отъ пороха и дыма , и обнаженные по поясъ , дабы свободнѣе можно было дѣйствовать .

И какая-то дикая и упоительная радость оживила ихъ .

— « Собаки Англичане не стануть пѣшь, что мы скупы, » сказалъ одинъ; ибо ащакон картеця весьма доспащочно, чтообъ заплашишь цирюльнику, кошорый будеть перевазывать ихъ раны.

— « Видно, по всему, что мы деремса съ дамой. Тыбу, иронасшь! какая въжливосшь! серебряныя ядра!... Да мы волочимса за корвешшой, » сказалъ другой.

— « Мнѣ бы ничего болѣе не нужно было, какъ прибавки шакого заряднаго картуза къ моему жалованью; я бы лихо покупила въ Сен-Полѣ, » подхващила прещій.

Дѣйствительно, серебро полными горщами бросали въ коронады, и наподняли ихъ оными до краевъ. Пяпидесятъ тысячъ ефимковъ изпращено на это.

Лишь только всѣ орудія были зарл-

жены, какъ корветта находилась уже подъ брига, маневрируя такъ, чтобы запереть свой башпритъ въ ванпахъ *Котика*; но Кернокъ, искуснымъ движеніемъ, спустился подъ вѣтеръ Англичанамъ и опшуда подрейфилъ на нихъ.

На два пистолетные выстрѣла, корветта дала послѣдній залпъ; ибо она также испустила всѣ свои снаряды; она также сражалась мужественно, и показала чудеса храбрости въ продолженіе двухъ часовъ сей опчаянной битвы.

Къ несчастію, зыбь воспрепятствовала Англичанамъ прицѣлиться вѣрно, и весь залпъ пролетѣлъ надъ судномъ корсера, не причинивъ оному ни малѣйшаго вреда.

Одинъ манросъ брига выстрѣлилъ, не выждавъ приказанія.

— « Сумасбродъ ! » вскричалъ Кер-

мокъ, и пиратъ, пораженный ударомъ
выпрекеля, покачился къ ногамъ его.

— « Ни подь какимъ видомъ, про-
должалъ онъ, « не смѣшь спрѣлать
прежде, чѣмъ мы сойдемся борть съ
бортомъ; въ шу минушу, какъ Англи-
чане гошовы будущъ прыгнушь на
нашу палубу, наши пушки плюнушь
имъ въ рожу, и вы увидите, что эпо
ихъ славно озадачишь; будыте въ шомъ
увѣрены. »

Въ шу самую минушу, два корабля
сдѣлились. Все, что оснавалось опъ
Англійскаго экипажа, было на ван-
шахъ и шкафушахъ, съ выпрекелемъ
въ руки, съ кинжаломъ въ зубахъ, въ
гошовности однимъ прыжкомъ вско-
чишь на палубу брига.

Глубокое безмолвіе на *Копчикъ*...

— « *Away! goddam, away! Lascars,* »
бричалъ Англійской Капитанъ, пре-
красный двадцати-пятилѣтній моло-

дой человекъ, который, имѣя объ ноги опорванными, приказалъ помѣстить себя въ бочку съ опрубями, дабы остановить теченіе крови и имѣть возможность командовать до послѣдней минуты.

— « *Away! goddam!* » повторялъ онъ.

— « Стрѣляй, теперь, стрѣляй по Англичанамъ! » завопилъ Кернокъ.

Тогда всѣ Англичане устремились на бригъ.

Двѣнадцать коронадъ правой стороны изрыгнули имъ въ лице градъ піаспировъ съ страшнымъ трескомъ.

— « Ура! . . . » воскликнулъ экипажъ брига въ одинъ голосъ.

Когда густой дымъ рассеялся, и можно было судить о дѣйствіи сего залпа, то уже не видно было ни одного Англичанина, ни одного Всѣ попадали въ море, или на палубу кор-

вешны, всѣ были мертвы, или жестоко изувѣчены. За бранными клыками послѣдовала могильная, поржесивенная тишина; и эти восемнадцать человекъ, оставшіеся въ живыхъ одни посреди Океана, окруженные шрунами, не могли взирать другъ на друга безъ нѣкотораго ужаса.

Кернокъ, самъ Кернокъ устремлялъ въ оцѣпѣніи взоры свои на обезображенное шуловище Англійскаго Капитана; ибо серебряная картель ошорвала ему еще одну руку. Его прекрасные блондурые волосы были обогрены кровію; но улыбка оставалась на устахъ его... Безъ сомнѣнія опгъ того, что онъ умреть, думал о ней, о ней, которая, заливаясь слезами, надвистъ на себя длинную шуруную одежду, узнавъ о его славной кончинѣ. Счастливыи молодой человекъ! У него, бытъ можетъ, также есть и машь

для оплакиванія его, его, кошораго она качала младенцемъ въ колыбели. Бышь можешъ, для него рушилась блестящая будущность, знаменное ния исчезло съ нимъ. Какія слезы онъ долженъ по себѣ осшавившъ! Сколь много будущъ сожалѣть о немъ! Счастливыый! прикраты счастливый молодой человекъ! Какъ много онъ обязанъ пушкѣ Кернока! однимъ ядромъ она создала героя, оплакиваемого въ прехъ Королевешвахъ. Какое чудесное изобрѣтеніе порохъ!

Таковъ почти долженспивовалъ бышь ипогъ размышленій Кернока; ибо онъ осшался покойнымъ и смѣющимся при видѣ сего ужаснаго зрѣлища.

Его маппросы, напрошивъ, долго осмаппривались вокругъ съ какимъ-то безумнымъ удивленіемъ. Но сіе первое чувство миновалось : безпечный и звѣрскій нравъ ихъ снова взялъ верхъ,

одногласно закричали : — « Ура ! да здравствуешь *Копчикъ* и Капитанъ Кернокъ !

— « Ура ! молодецы ! » подхватилъ сей послѣдній. « Каково ! видите, что у *Копчика* клювъ воспрый ; но теперь надобно позаботишься о исправленіи нашихъ поврежденій. По моему мнѣнію, мы должны находиться у острововъ Асорскихъ. Въперъ кричаешь ; проворнѣй , дѣши, очистишь палубу. А что касается до раненыхъ, что касается до раненыхъ , » повторилъ онъ задумчиво, ударяя машинально нишрекелемъ по сѣшкѣ : « ты, Дюранъ, отвезешь ихъ на бортъ корветты, » сказалъ онъ поспѣшно.

— « Для чего ? » спросилъ этотъ съ удивленіемъ.

— « Узнаешь ! » отвѣчалъ Кернокъ съ мрачнымъ видомъ, нахмуривъ густыя своя брови.

Дюранъ пошелъ исполняясь приказаніе Капитана, бормоча : — « Что онъ хочетъ съ ними дѣлать? это что-то нечисто. . . . »

— « Юнга, сюда! » закричалъ Кернокъ Гревъ-де-Селю, которъй обпиралъ съ грустнымъ видомъ часы, отказанныя ему шкиперомъ Зелю; ибо они были всѣ покрыты кровію. Юнга приподнялъ голову; слезы наполнили глаза его. Опъ приблизился къ грозному Капитану, не чувствуя ни малѣйшаго трепета. Одна мысль постоянно занимала его : воспоминаніе о смерти Зелю, къ которому онъ былъ истинно сильно привязанъ.

— « Спупай въ пріюмъ, и скажи женѣ моей, что она можетъ прійти обнять меня ; слышишь? » сказалъ Кернокъ.

— « Слушаю, Капитанъ, » отвѣчалъ

Грень-де-Сель, и крупная слеза упала на часы.

Онъ потчасъ исчезъ чрезъ большой люкъ; чшобъ позвать Мели.

Кернокъ съ лобкостію взшелъ на марсы, и осмошрѣтъ снаспи съ чрезвычайнымъ вниманіемъ : поврежденія были многочисленны, но не слишкомъ важны, и онъ увидѣлъ, что съ помощію запасныхъ стоньгъ и ресвъ ему можно будетъ продолжать путь и достигнуть до ближайшей гавани.

Грень-де-Сель возврапился на шалубу, но одинъ.

— « Ну, что жъ! сказалъ Кернокъ, « гдѣ же жена моя, дуралей? »

— « Кашипанъ, она она »

— « Ну что она? говори же, собака! »

— « Кашипанъ, она въ пріюмъ »

— « Я самъ знаю. Почему же она шей цепъ, негодный? »

— « Ахъ ! Капитанъ, . . . пошому . . . пошому что она умерла »

— « Умерла ! . . . умерла ! » сказалъ Кернокъ блѣднѣя, и въ первый разъ лице его выразило скорбь и тоску.

— « Такъ, Капитанъ, умерла позади водоема, пораженная ядромъ, которое вошло подъ грузовую ваперлянию; и забавно то, что шло госпожи вашей супруги заложило какъ разъ опверзтiе, сдѣланное ядромъ; иначе бы вода вошла и бригъ утонулъ. Какъ бы ни было, а госпожа ваша супруга спасла *Копчикъ*, и для нея это гораздо лучше, нежели »

Грещъ-де-Сель, опустившій глаза при началъ своего разсказа, не бывъ въ состоянiи перенести сверкающаго взира Кернока, рѣшился приподнять голову.

Кернока не было болѣе передъ нимъ; онъ находился уже въ трюмѣ, и смо-

прѣлъ на Мели безъ слезинки на глазахъ, сложивъ на-креспъ руки и спивнувъ судорожно кулаки; ибо согласно съ донесеніемъ юнги, голова и часть плеча ея, запершыя въ отверстіе, пробитое ядромъ, воспрепятствовали печи усилишься.

Бѣдная Мели! даже самая смерть ея была полезна ея Керноку.

Пиратъ около двухъ часовъ оспивался въ шрюмѣ, подлѣ оспивковъ Мели. Тамъ онъ измилъ всю свою горечь, ибо когда взошелъ на палубу, черты лица его являли безстрастіе и холодность. Только не за долго до его возвращенія, слышенъ былъ болѣзненный крикъ, и неправильная масса исчезла среди водъ. То былъ шрупъ Мели. Въ продолженіе сего времени, Дюранъ перевезъ раненыхъ на Англійскую корветту.

— « Для чего же не оставлютъ

насъ на бригъ?» спрашивали они съ наснойчивостію почтеннаго Доктора.

— « Я ничего не знаю, друзья мои; можетъ бытьъ для того, что здѣсь чище воздухъ, а при опасныхъ ранахъ, надобно перемѣнять воздухъ, это извѣстно.

— « Но, Г. Дюранъ, вотъ съ корветты берутъ для брига все запасныя рей и спенги. Какъ же мы будемъ плавать?

— « Можетъ быть, посредствомъ паровъ, » ошвѣчалъ Дюранъ, который не могъ удержаться отъ удовольствія пошутить

— « Куда?... вы уходите, Г. Дюранъ, и вы также, товарищи? Что же! а мы?... Г. Дюранъ.... Г. Дюранъ! »

Такъ говорили раненыя, имѣвшіе довольно силы для того, чтобы кричать, но не для того, чтобы ходить,

видя Тимермана - хирурга - конспанеля, сходящимъ въ свой боти́къ и опшлывающимъ къ бригу съ экипажемъ.

— « Да, по всему видно, что насъ для перемѣны воздуха послали сюда. » сказалъ одинъ Парижанинъ, у котораго рука была оторвана и пуля вѣпилась въ позвонки.

— « Такъ для чего же насъ перемѣстили, Парижанинъ? » спросили многіе голоса съ беспокойствомъ.

— « Для чего? . . . въ намѣреніи насъ уморить, между шѣвъ, какъ они воспользуются нашею долею добычи. Какъ это плохо! Если бѣ они имѣли хотя на полушку человѣколюбіа, то сдѣлали бы лучше проломъ въ трюмъ, дабы попомнить насъ . . . вмѣсто того, чтобы оставая здѣсь, довести добрыхъ людей до необходимости пожирать другъ друга, подобно акуламъ.

Эпо будетъ нѣчто въ родѣ *Колена*, котораго я видѣлъ въ улицѣ *Монтаборъ* у *Г. Франкони*;» — шущъ голосъ его началъ ослабѣвать; «ибо я слышалъ отъ нихъ, что ничего не оспалось изъ съспыныхъ припасовъ на бортѣ корветшны, и что частію для снабженія себя ими, она атаковала насъ. Къ тому же прискорбно разсчитываться съ жизнью, когда богаты: ибо съ моею долею приза, я бы чудесно пожилъ въ *Парижѣ* . . . *Боже!* *Шомьеръ*, — *Воксаль*; — *Амбигю* . . . — И красавицы!!! Ахъ! да, эшо прискорбно; ибо теперь самая пора приниматься за работу, а я издохну . . . — Я не чувствую болѣе ногъ моихъ; сердце мое какъ будто перевернулось — Прощайте, брашцы. Вамъ-шо приходился жушко ибо вы не такъ-то мягки, моя ягняца Васъ прудно будетъ разкусить, а чшобъ прогло-

тільки нужень будешь опляичный со-
усь. . . . »

Тогда языкъ началъ пушайпьяся, такъ
что не возможно было разслушати ни
одного слова. Лишь минути спусия,
ошъ умеръ. Парижанинъ отгадалъ:
нелзя передашь всѣхъ ругапельспивъ
и прокляшій, конми Кернокъ и осшаль-
вый экинажъ были обременяемы. Одинъ
раненый Англичанинъ, который пони-
малъ по-Французски, рассказалъ своимъ
сообщественникамъ о участи, ихъ
ожидавшей. Волненіе увеличилось. Каж-
дый богохульствовалъ на своемъ язы-
кѣ. То былъ шумъ, шумъ, способный
разбудити каноника. Но всѣ эти не-
счастливые были такъ тяжело ранены,
что не имѣли возможности припод-
няшьяся; и къ тому же не было лодки...

Многіе изъ нихъ, предвидя всю жес-
токость участи, какой предоспавлены
были ихъ поварици, прикашывались

къ разрубамъ нишельсовъ , и упадали въ море.

— « Исполнено ! » сказалъ Дюранъ по возвращеніи своемъ Керноку.

— « Мы гошовы, » отвѣчалъ Кернокъ ; « южный вѣтръ крѣпчаетъ. Съ эшимъ фокомъ вмѣсто гроша, и брам-селями вмѣсто марселей, мы можемъ пуститься въ пушь. Гяви правые брасы, и правь на Нордъ-Нордъ-Остъ.

— « И такъ, » сказалъ Дюранъ, указывая на разснащенную корветшту , « эшихъ бѣдняковъ мы оставимъ шамъ?»

— « Да, » отвѣчалъ Кернокъ. . . .

— « Эпо распоряженіе однако не совсѣмъ ловко.

— « Да ! не ловко ! . . . Знаешь ли ты, сколько у насъ на борштѣ осталось съѣстныхъ припасовъ, послѣ праздника, даннаго вамъ мною, мерзавцы ?

— « Нѣтъ.

— « Ну ! у насъ осталось одинъ

только боченокъ сухарей, три бочки воды и щикъ рому; ибо въ одинъ день вы размытарили трехъ-мѣсячный запасъ.

— « Въ этомъ мы сколько же виноваты, какъ и они.

— « Я на... на это плюю; намъ, можетъ быть, ошастся еще плыть восемь-сошь миль, и кормить восемь-надцать машросовъ, объ которыхъ прежде всего надобно позаботиться, ибо они въ состоянїи работать.

— « Но тѣ, которыхъ вы оставляете на корветтѣ, передохнуть, какъ собаки, или переѣдятъ другъ друга; ибо завтра, послѣ завтра, ... они проголодаются.

— « Я... на это плюю, пусть ихъ околѣваютъ! по крайней мѣрѣ, околѣютъ полумертвые, а не мы, которые въ состоянїи еще править канатъ. »

Матросы брига слышали сей разговоръ; между ними начался рожонъ.

— « Мы не хошимъ покинуть нашихъ товарищей, » говорили они.

Кернокъ бросилъ на нихъ орлиный взглядъ, взялъ свой интрекель подъ мышку, сложилъ руки за спину, и сказалъ грознымъ голосомъ : — « Что? вы . . . не хотите ? . . . »

Молчатъ; никто ни слова.

— « Я вижу, что вы престранныя живошныя ! » вскричалъ онъ. . . « Знайте, канальи, что мы опдалены на восемь-сотъ миль отъ всякаго берега; что для этого переѣзда нужно, по крайней мѣрѣ, двѣ недѣли, и что если мы оставимъ раненыхъ на борту, то они выпьютъ всю нашу воду, а пользы принесутъ намъ не болѣе, какъ весло левейному кораблю.

— « Это правда, » прервалъ Тимерманъ - хирургъ - конспанель : « никто

столько не пить, сколько раненый; онъ, какъ пьяница, пьянетъ до-суха.

— «А когда у насъ не спашешь воды и сухарей, такъ развѣ Св. Кернокъ вамъ пошлетъ ихъ? Мы принуждены будемъ всць наше месо и пишь нашу кровь, какъ имъ приходится шеперь; собачій кормъ! Вамъ этого видно, хочется, мошенники? Напрошивъ же, старался править на Байону или Бордо, мы можемъ еще увидѣть Францію, и жить тамъ добрыми гражданами съ нашими долями приза, которыя будущъ не маловажны, особенно, какъ приумножатся ихъ долями, . . . » прибавилъ Кернокъ, указывая на раненыхъ, находившихся на корвепитѣ.

Этотъ убѣдительный доводъ побѣдоносно утишилъ послѣдніе упреки совѣсти упрямецъ.

— «Однимъ словомъ, » сказалъ Кернокъ, «этому быль такъ, потому

чно я хочу; ясно ли это, а? И первый, кто только пикнешь, тому я запрю ротъ чашкой моего кнжала. Ну же! живо! держи на Нордъ.»

Восемьнадцать человекъ, составлявшие тогда экипажъ, повиновались безмолвно, бросили послѣдній взглядъ на своихъ поварищей, своихъ брапьевъ, кои, при видѣ удаляющагося брига, выпускали ужасные вопли. Въперъ свѣжѣлъ, и *Коптикъ* вскорѣ находился далеко отъ мѣста сраженія. Но на другой день поднялась сильная буря; огромныя горы волнъ, съ каждою минутою, казалось, готовы были поглотить бригъ, который, спавъ въ дрейфъ, уходилъ отъ волненія подъ своимъ грохъ стакселемъ.

Наконецъ послѣ шруднаго перевѣзда, *Коптикъ* достигнулъ Нанша; вошелъ въ портъ, исправилъ свои поврежденія, и, по объшу Кернока, снова пустился

въ море, дабы еще разъ бросить якорь въ заливѣ Пампульскомъ.

Тамъ была наряжена слѣдственная комиссія для освѣдѣтельствованія законности приза. Тогда Кернокъ поклялся всѣми своими клятвами, что впредь онъ будетъ приставать въ Сен-Томасъ, ибо тамошніе баклань-чиновники вздумали ловить рыбу на водахъ, ему принадлежащихъ. То были собственныя его выраженія.

ГЛАВА XII.

Д В А Д Р У Г А .

Un' âme si rare et exemplaire ne
couste-t'elle non plus à tuer qu'
un' âme populaire et inutile

MONTAGNE, liv. II, ch. XIII

Въ Плоньзокѣ есть трактиръ *Золотаго Якоря* — трактиръ очень изрядный. У дверей онаго возвышаются два красивые густолиственные дуба, осѣняющіе столы изъ орѣховаго дерева, тщательно навощенные, и потому всегда лоснящіеся; и какъ *Золотой Якорь* находится на большой площади, то передъ нимъ видъ самый

одушевленный, особенно во время рынка, въ прекрасное Юльское утро.

Два добрые шоварища, два цѣнителя сего удобнаго мѣстоположенія, заседали за однимъ изъ столовъ, столовъ гладкихъ и блестящихъ; они говорили о шомъ, о семь, и разговоръ по видимо-му продолжался довольно времени, ибо порядочное количество пустыхъ бутылочекъ образовало величественную и прозрачную ограду вокругъ собесѣдниковъ.

Одинъ изъ нихъ, бывшій навѣрно лѣтъ шестидесяти, безобразный, смуглый, весьма коренастый, имѣлъ широкіе и длинныя, какъ лунъ бѣлыя усы, которые различествовали спиральнымъ образомъ съ его смуглымъ лицомъ. Онъ былъ въ голубомъ, просторномъ, безъ вкуса скроенномъ кафтанѣ, въ широкихъ холщяныхъ панталонахъ, и въ кармазинномъ съ якорни на пугови-

цахъ жилетъ, королкомъ по его ро-
спи по крайней мѣрѣ дюймовъ на шесть;
наконецъ, огромный, шуго накрахма-
ленный ворошикъ рубашки, споялъ
шорчмя гораздо выше ушей сего че-
ловѣка. Сверхъ того, большія сереб-
рныя пряжки блистали на башма-
кахъ его, и лакированной кожи шля-
па, неловко надѣтая на бекрень, до-
вершали его глупый и щеголеватый
нарядъ, который странно прошиву-
рчалъ его пожилымъ лѣшамъ. Впро-
чемъ, онъ, казалось, былъ одѣтъ по
праздничному, и замѣтно свлзанъ въ
своемъ уборѣ.

Другой, наружности менѣе изыска-
ной, очевидно былъ его моложе. Су-
конныя камзолъ и панталоны, соспа-
влили въ сѣ нарядъ его, и черный гал-
сухъ, небрежно повязанный, дозво-
лялъ видѣть его жилетную шею,
свободно носившую голову съ лицомъ

загорьлымъ, но ошкрытымъ и все-
лымъ.

— «Съ наступленіемъ дня св. Са-
турнина,» сказалъ онъ, ударяя легонь-
ко объ споль краемъ своей прубки,
дабы выколочить изъ нея весь пе-
пель; — «съ наступленіемъ св. Сатур-
нина, будешь ровно двадцать лѣтъ,
какъ *Коптикъ*,» — тунгъ онъ силъ
своей шерспилной шокъ съ красными и
голубыми мушками, — «какъ нашъ бѣд-
ный бригъ въ послѣдній разъ бросилъ
якорь въ заливѣ Пампульскомъ, подъ
командою покойнаго Г. Кернока.» И
онъ вздохнулъ, покачавъ головою.

— «Какъ время летишь!» подхва-
тивъ человекъ съ большимъ ворош-
някомъ, осушивъ огромный стаканъ
водки; «миѣ кажется, будто это бы-
ло вчера, не правда ли, Грень-де-Сель?
я все еще между нами называю себя

симъ вмснемъ, (*) потому что ты мнѣ такъ позволялъ, другъ мой. Гм! гм! это мнѣ напоминаетъ наши всеслыя времена.» И старичокъ началъ пошхоньку смѣлпсья.

— «Пожалуйста, не церемоньтсья, господинъ Дюранъ; вы старше меня, вы другъ этого бѣднаго Г. Кернока.» И онъ снова вздохнулъ, поднявъ глаза къ небу.

— «Что жъ дѣлашь, мой милый? когда приходишь послѣднй часъ спановишься на якорь,» сказалъ Г. Дюранъ, высасывая съ продолжительнымъ свиспомъ каплю вина, оспававшуюся на двѣ давно опорожненнаго его стакана,—«когда курносая повелѣваетъ опустить его на дно, то кабельшову необходимо должно ошдаваться. Это я всегда говаривалъ моимъ больнымъ, моимъ конопатчикамъ,

(*) *Grain-de-sel* — солшка, порошокъ соли.

моимъ коновирамъ, ябо ты знаешь . . .

— »Да, да, я знаю, г. Дюранъ,» опѣвчаль поспѣшно Гренъ-де-Сель, копорый страшился, чпобъ Эксъ-Тнмерманъ-хирургъ-констапель брига *Коллика* снова не приплся разсказывать о своихъ пройственныхъ подвигахъ;— «но это свыше силъ моихъ: у меня сердце разрывается, когда подумаю, что годъ иному назадъ, эпомъ бѣдный Г. Кернокъ былъ тамъ, на своей мызѣ Трегёрель, и что каждый вечеръ мы съ нимъ куряли изъ старой шрубки.

— «Правда, Гренъ-де-Сель. Господи Боже! какой человекъ! какъ онъ былъ любимъ въ эпомъ кантонѣ! просилъ ли у него что нибудь несчастный мапросъ, — получалъ тотчасъ. Наконецъ, около двадцати лѣтъ, какъ онъ, удалясь отъ дѣль, жилъ добрымъ гражданиномъ, и всѣ называли его бла-

годѣтелемъ. И какой почтенный видъ придавали ему его сѣдые усы и его коричневое платье! Сколь онъ казался добродушнымъ, когда вози.тъ на спицѣ своей вилковъ стараго канонира Кернзонта, или когда строилъ имъ маленькіе кораблики! Только я всегда упрека.тъ этого бѣднаго Кернока, за то, что онъ поступилъ въ духовное званіе.

— «Ахъ! за то, что сдѣлался церковнымъ шаростою! Ба! это было для препровожденія времени. Однако признайшесь, что любо было на него смопрѣшь, когда онъ сидѣ.тъ, на своей дубовой скамѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и манжетахъ, въ праздничные дни прихода Св. Іоанна-Перстнаго.

— «Мнѣ пріятнѣе было его видѣть на вахтенной скамѣ, съ выпрекелемъ въ рукѣ и пороховницей за плечами,» отвѣчалъ Эксъ - шимерманъ - хирургъ-констапель, наполняя свой спаканъ.

— « А на церковномъ шествіи , Г. Дюранъ , когда олъ разносилъ просфору и переваливался съ своею свѣчею , которую , не смотря на уроки крылошанина , ему всегда хотѣлось держать , какъ шпагу . Но особенно огорчало священника то , что Капитанъ Кернокъ до шого жевалъ шабачный листъ , что во время обѣдни едва не плевалъ на людей .

— « Огорчало , огорчало ! . . . За то онъ выманялъ у моего спараго поваряща для своей пресвитерин двадцать десятины лучшей земли его . »

Тушъ Грень - де - Сель проплнулъ сколько возможно нижнюю губу , мигая глазами , посмотрѣлъ на Дюрана съ видомъ самымъ хитрымъ , самымъ злобымъ , самымъ лукавымъ , какой только можно себя представить , и покачалъ отрицательно головою .

— « Чортъ возьми ! я это очень

хорошо знаю, » повпориць Дюранъ, почти обиженный панпоминной прежняго юнги.

— « Ну, ну, не сердитесь, Г. Дюранъ, » подхватилъ другой — « онъ сдѣлалъ эпошъ подарокъ не священнику. »

Тупъ умолчаніе, тупъ удивленіе Дюрана обнаружилась чрезмѣрнымъ выпученіемъ глазъ его, и осушеніемъ порядочнаго спакана вина.

— « Онъ это подарилъ, » сказалъ Грень-де-Сель, « онъ подарилъ племянницѣ священника. Гм ! »

— « Ахъ ! спарый забавникъ, спарый забавникъ ! » бормоталъ Дюранъ, надрываясь опъ смѣха; « я не удивляюсь шеперь, что онъ сдѣлался церковнымъ спароспою и разносилъ просфору. »

И онъ съ Грень-де-Селемъ предался такой шумной веселости, что собаки, пробѣгавшія мимо, на нихъ лаяли.

— « Досаднѣе всего то, » продолжалъ Греть-де-Сель, « что все имѣніе Г. Кернока обращается въ казну, а ошъ того, что онъ не сдѣлалъ духовнаго завѣщанія.

— « Когда было о томъ подумать? и кшо могъ предвидѣши эпо бѣдспвіе?

— « Вы его видѣли, послѣ того. . . . не правда ли, Г. Диоранъ? ибо я уѣзжалъ въ это время въ Сен-Поль.

— « Какъ же не выдашь. Представь, любезный, вдругъ мнѣ говорашъ : Г. Диоранъ, въ домъ Г. Кернока пахнешъ чѣмъ-то горѣлымъ, чѣмъ-то необыкновеннымъ ! Тогда было навѣрное восемь часовъ ушра, и никшо не смѣлъ войши къ нему въ комнату; шаконъ глупой народъ ! Я вхожу, вхожу самъ, мой другъ, и . . . Ахъ ! Боже мой ! палей-ка мнѣ еще пожалуйсна; всякой разъ, какъ вспомню о томъ, мнѣ дѣлается дурно. »

Ободривъ себя нѣсколько полнымъ глоткомъ водки, онъ продолжалъ.

— « Я вхожу, и представь себѣ, что я едва не задохнулся, видя шрупъ нашего бѣдняжки Кернока, покрытый полосою синяго пламени, которое пробѣгало отъ головы до ногъ, точно какъ пламя зажженнаго рома. Я подошелъ, спалъ заливать водою; увы! . . . онъ горѣлъ еще сильнѣе, ибо уже почти въ половину прожарился. »

Гренъ-де-Сель поблѣднѣлъ.

— « Это удивляетъ тебя, другъ мой; я такъ ожидалъ этого, я предсказывалъ ему это.

— « Предсказывалъ! . . . »

— « Да. Онъ пилъ черезъ чуръ много водки, и я всегда говорилъ ему : спарый поварищъ, ты умрешь отъ скоропостижнаго спаленія, » сказалъ важно Дюранъ, упираясь на каждое слово и надувая свои щеки.

Онъ хотѣлъ сказать : опгь скоропоспѣжнаго воспламененія, какъ справедливо и рѣшительно опредѣлилъ причину смерти Кернока Докпоръ Кемперъ, человекъ, весьма хорошо знающій свое дѣло, но за кошорымъ послали нѣсколько поздно.

— « И это васъ не приводитъ въ шрепепъ, Господинъ Дюранъ? » сказалъ Гренъ-де-Сель, съ прискорбіемъ замѣчавшій, что Эксъ-пичерманъ-хирургъ-констапель шелъ по слѣдамъ своего покойнаго Капитана.

— « Меня? Это большая разница, любезный; я смѣшиваю всегда водку съ виномъ, а шарый гуляка пилъ чистую.

— « А, а! . . » отвѣчалъ Гренъ-де-Сель, не совсѣмъ удосповѣренный въ воздержности Г. Дюрана.

— « Посмопери, » сказалъ сей послѣд-

ній : « вопшь молодецъ, который умреть въ шкурѣ вора, если не сдерутъ съ него оной съ живаго. »

И онъ указалъ на високаго, сухоощаваго человека, въ синемъ мундирѣ съ серебрянымъ шитьемъ, проходившаго по площади. — « Какъ бы я желалъ, чпобъ мы были вмѣстѣ на борпѣ съ эшимъ псомъ Пликомъ, онъ съ привязанными руками къ ваншь-трапу, съ обнаженной спиной, а я съ добрымъ лннькомъ въ рукѣ. Не могу забыть, чпо наши доли приза, прошедъ только черезъ руки эшого негоднаго комиссара, уменьшились въ девятнадцать разъ; чпо вмѣсто полученныхъ мною шестидесяти тысячъ франковъ, которыми живу около двадцати лѣтъ, я долженъ былъ имѣть по крайней мѣрѣ, миллионъ, и чпо эпотъ бѣдный Кернокъ получилъ всего двѣсти тысячъ франковъ, изъ всѣхъ

бочекъ, пріобрѣтенныхъ нами на Испанскомъ прехъ-мачповикъ!

— « Ба! » подхватилъ Грень-де-Сель, « что за бѣда : больше ли, меньше ли ? Я однако былъ весьма доволенъ, что могъ оставишь мое ремесло и былъ въ состояніи изъ доставшейся мнѣ части купить рыбацье судно, для плаванія около береговъ. — При всемъ томъ, съ тѣхъ поръ, какъ я не вижу этого несчастнаго Кернока, мнѣ будто чего-то не доспаетъ.

— « Кешапи, » возразилъ Дюранъ, « я думаю, что пора уже намъ идти на панихиду, которую мы заказали опслужить по шаромъ бѣдняжкѣ, въ приходѣ Св. Іоанна-Персшаго. »

Грень-де-Сель вынулъ изъ кармана серебряные часы, по малой мѣрѣ въ дюймъ толщиною.

— « Ваша правда, Господинъ Дюранъ, уже десять часовъ. » Потомъ, поднесъ

ему часы, привязанные тщателью кь даниной спальной цѣпочкѣ, оплетенной чернымъ снуркомъ, сказалъ : — « Посмотрите, узнаете ли вы ихъ? »

— « Узнаю ли ихъ! . . . Это тѣ самыя, кошорыя добрый Зели просилъ меня отдатьъ тебѣ, въ день сраженія *Коплика* съ корветштой! Я еще будно вижу его, протягивающаго мнѣ руку и говорящаго : — Возьми; . . . это для Гренъ-де-Селл. Прощай. . . . другъ; . . . не дай промаха. »

— « Чортъ возьми! » сказалъ старикъ, распрогавшись; « теперь мысль о томъ далъ меня гораздо грустнѣе, нежсли въ то время. Бѣдный Зели! » И голова Дюрана упала на его сухія и морщинистыя руки.

Гренъ-де-Сель, казалось, былъ погруженъ въ горестное воспоминаше, смотря на часы свои.

— « Ошъ васъ слѣдуешь за пять »

лишровъ и одну бутылку водки,» сказалъ трактирщикъ, подойдя съ шапкою въ рукѣ, безпокоясь о продолжительномъ пребываніи двухъ моряковъ.

— «Вотъ тебѣ за все,» сказалъ Гренъ-де-Сель, бросивъ ему золотую монету.

И подавъ руку старому Дирану, онъ пошелъ съ нимъ къ часовнѣ Св. Іоанна-Персинаго.

Отслушавъ панихиду, все населеніе каптова Трегёсельскаго, сопровождаемое приходскимъ священникомъ, медленно пошло на кладбище, гдѣ поконилось шлю любимаго ими Кернока.

Тамъ священникъ прочишалъ нѣсколько молитвъ, кои хоромъ были повторены присутствующими, сповзшими на колѣнахъ; запѣлъ всѣ разошлись по домамъ.

Дюранъ и Гренъ-де-Сель остались
одни.

И солнце давно исчезло уже за горами
Трегёсельскими, а два друга сидѣли
еще на моголь Кернока, въ безмолвіи
и задумчивости, закрывъ лице руками.

К О Н Е Ц Ъ.